

Алексей Кудашев

ЛЕДЯНОЙ ОСТРОВ

Шпионы. Дело №...

Алексей Кудашев

Ледяной остров

«ВЕЧЕ»

1955

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Кудашев А. И.

Ледяной остров / А. И. Кудашев — «ВЕЧЕ», 1955 — (Шпионы.
Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5259-8

В романе Алексея Ивановича Кудашева «Ледяной остров» (1955) рассказывается о дерзком проекте советских ученых по освоению кладовых подземного мира. Главный герой – инженер Алексей Трофимов – предлагает новый способ добычи нефти с использованием самых передовых технологий 1950-х годов. Ядерная энергия становится отмычкой к скрытым нефтяным запасам страны. Проект Трофимова встречает непонимание в консервативных научных кругах, где молодого инженера-фронтвика считают выскочкой и невеждой. Но у Трофимова есть еще один, куда более грозный, хотя и остающийся в тени противник. Иностранная разведка пытается сорвать реализацию замыслов Трофимова и его соратников. Глубоко законспирированный агент Краузе начинает свою игру...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5259-8

© Кудашев А. И., 1955
© ВЕЧЕ, 1955

Содержание

«Но кто же все-таки враг?»	6
Пролог	10
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	38
Глава восьмая	43
Глава девятая	48
Глава десятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Кудашев Ледяной остров

Серия «»Шпионы. Дело №...

Текст печатается по изданию:

Кудашев А. Ледяной остров. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959.

© Кудашев А.И., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Но кто же все-таки враг?»

Читатели нашей серии, безусловно, отметили, что многие из шпионских книг выходили в свое время с подзаголовками «научно-фантастическая повесть» или «научно-фантастический роман». При этом «доля фантастики» в них не слишком велика, скорее, служит необязательным довеском к сюжету. Такое странное тяготение к смежному жанру имеет ряд своих объяснений.

Первое связано со специфическим положением фантастики в советской литературе. Она имела правильную идеологическую основу: социальный оптимизм, культ знания, отказ от архаики, под которую удачно ложилась вся история страны до октября 1917 года. Фантастику охотно печатали в непростые 1930-е годы. Уже потом стало обычным делом говорить о том, что фантастика как направление замалчивалась, книги издавались редко, и вопрос стоял чуть ли не о ее запрете. Такой весомый авторитет, как Кир Булычев, в статье «Падчерица эпохи» утверждает:

«Фантастику после 1930 года рассматривали с подозрением не только потому, что она в чем-то сомневалась и на что-то указывала, а потому, что она потенциально могла сомневаться и указывать. Как говорится: на что-то намекает, а на что – неясно».

Да, фантастики печаталось немного, особенно если взглянуть на это с вершины сегодняшнего макулатурного Эвереста, покорить который рискнет далеко не каждый ценитель жанра. Парадоксально, но многие из них предпочитают перечитывать рассказы и романы, написанные в эпоху малокнижья, следуя проверенному опытом принципу «лучше меньше, да лучше». Что касается шпионской литературы, то ее в то время, действительно, просто не было. Зато в отечественной фантастике 1930-х годов мы встречаем отдельные элементы, которые позволяют говорить о присутствии того, что потом станет основой короткого, но яркого «золотого века» советского шпионского романа. Буквально перед войной Александр Казанцев начинает работать над романом «Арктический мост», посвященном строительству гигантского инженерного сооружения, соединяющего Советский Союз с Аляской. Отдельные главы романа публиковались в журнале «Вокруг света» в 1941 году и в «Технике – молодежи» в военном 1943 году. Естественно, что смелый проект молодого инженера Андрея Корнева привёл в уныние многих врагов Советского Союза: от американских миллиардеров до японских милитаристов. Они разрабатывают план по недопущению реализации задуманного, включающий подкуп, саботаж, диверсии. Масштабное строительство сопровождается напряженной закулисной драматической борьбой. Уже позже, в хрущевские годы, исследователи фантастики критиковали и Казанцева, и других авторов как за «малонаучные» гипотезы, так и за использование ходов шпионской литературы. Из книги Анатолия Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман»:

«Впрочем, украинского писателя М. Трублаини в романе “Глубинный путь” (1941) не смутила даже целесообразность метро от... Москвы до Владивостока. Идея пришла в голову гениальному мальчику Тарасу, может быть, по прочтении “Самокатной подземной железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой” (1902) А. Родных. Талантливый инженер в свое время выдвинул принцип безмоторного движения под землей за счет использования сил тяготения. Начитанный же мальчик с помощью академиков догадался растянуть подземную дорогу на тысячи километров. Строят ее, кстати сказать, и с оборонной (!) целью (разумеется, шпионы охотятся за гениальным мальчиком, устраивают катастрофу и т. п.)».

После войны был взят курс на «фантастику ближнего прицела», для которой характерен отказ от «дерзкой фантазии» в духе Александра Казанцева или Николая Трублаини в пользу решения конкретных народно-хозяйственных задач: от выведения новых видов тополей для эффективной снегозащиты полей («Тополь стремительный» Г. Гуревича) до создания ветро-

силовой электростанции на аэростате («Покорители вечных бурь» В. Сытина). Ведущий автор этого направления – Владимир Немцов уже в первых своих книгах иронически обыгрывает нездоровую мечтательность своих коллег по фантастическому цеху:

«В это лето ни один межпланетный корабль не покидал Землю. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда без атомных котлов. Арктика оставалась холодной. Человечество еще не научилось управлять погодой, добывать хлеб из воздуха и жить до трехсот лет. Марсиане не прилетали. Запись экскурсантов на Луну не объявлялась. Ничего этого не было просто потому, что наш рассказ относится к событиям сегодняшнего дня, который нам дорог не меньше завтрашнего. И пусть читатели простят автора за то, что он не захотел оторваться от нашего времени и от нашей планеты».

Объяснение подобного сужения «горизонта мечты» сводится, как правило, к поминанию жесткой идеологической диктатуры, пресловутой кампании против космополитизма. На мой взгляд, причины следует искать в противоположном направлении. Трагический опыт войны показал, что голая идейность без правильно выстроенной логистики, техники, управляемой, прежде всего, грамотными специалистами, – слишком дорогой путь к победе. Естественно, что говорить вслух об этом было нельзя, но готовить общественное сознание к другой модели поведения представлялось необходимым. Обратимся к статье С. Иванова «Фантастика и действительность» в № 1 журнала «Октябрь» за 1950 год, в которой критикуются шапкозакидательские настроения. В частности, достается Льву Успенскому, которого трудно упрекнуть в принадлежности к космополитам:

«В рассказе “Потертость” политрук тяжело ранен в ногу. От раны нога опухла и стала темно-синей (несомненная гангрена). Четыре раза в течение трех суток он делает вылазки в тыл противника, совершая каждый раз путешествие по сорок километров. Или скобарь Журавлев, “старой закалки мужик, битый, мятый, варенный в семи водах, с тысячами суеверий и предрассудков”, никогда не прыгавший ранее с парашютом и даже, в сущности, не знающий, что такое парашют, не только великолепно прыгает с самолета, но и на высоте в двести метров одной рукой отстегивает лямку парашюта, другой рукой достает “из-за плеча” старый карабин, убивает наповал двух немцев, находящихся на земле, затем выхватывает гранату и мечет ее в третьего немца».

Любопытно, что в следующем, 1951 году в журнале «Наука и жизнь» появляется коллективная статья «О фантастике и достоверности». Схожесть заголовка с названием прошлогодней статьи Иванова была неслучайной. Критику серьезно достается за те же грехи, которые он отмечал в произведениях других авторов: легкость и небрежность по отношению к деталям, антинаучность:

«Например, в рецензии на книгу В. Немцова “Семь цветов радуги” С. Иванов приписал героям романа выведение морозоустойчивых растений... в теплицах!»

Желание «приземлить» авторов и их героев, «мелочное внимание» к деталям привело к необходимости «обрезать крылья мечте», говорить о том, что будет нужным и реальным уже завтра.

В подобной ситуации обращение к сюжетам и образам из арсенала шпионской литературы – единственный вариант спасения для авторов фантастики. В противном случае их книги рисковали превратиться в расширенные варианты популярных брошюр о последних достижениях в точных и естественных науках. Не все «гибриды» получались удачными, «жанровое скрещивание» порой рождало нежизнеспособных мутантов. Но отдельные книги на стыке фантастики и шпионского романа заслуживают несомненного внимания. К ним относится и роман Алексея Ивановича Кудашева «Ледяной остров», вышедший в 1955 году. Имя этого писателя практически неизвестно современному читателю. Да и его вклад в литературу весьма ограничен и исчерпывается названной книгой. Много лет Кудашев проработал в издатель-

стве «Недра», что, несомненно, повлияло на знание предмета, ставшего одним из двигателей сюжета.

Научно-фантастическая часть «Ледяного острова» сосредоточена на идее максимально полной эксплуатации нефтяных месторождений. Из выступления инженера Алексея Трофимова – создателя революционного метода нефтедобычи:

«– Вы знаете, что за последние годы мы коренным образом изменили методы эксплуатации нефтяных месторождений и технологию добычи нефти. Советские ученые создали новую отрасль науки – физику нефтяного пласта. На основе достижений этой науки мы возродили многие старые, заброшенные промыслы, возвратили им молодость, широко применили нагнетание газа в нефтяные пласты, законтурное заводнение и другие методы воздействия на подземные режимы. Сейчас перед нами встала практическая задача – извлекать из недр земли не двадцать, не тридцать и даже не пятьдесят процентов, а всю нефть. Мне становится смешно, когда я вспоминаю разговоры, которые можно было слышать несколько лет тому назад о том, что приморским промыслам скоро конец, что оставшуюся в недрах нефть взять уже нельзя. А ведь в этих истощенных недрах еще более миллиарда тонн черного золота. И мы его, этот миллиард, должны добыть».

Необходимо было локализовать нефтяные пласты, оградить их от воды, чтобы можно было с помощью газа заставить нефть подняться наверх. С этой целью Трофимов предлагает использовать подводные атомные холодильники.

Передовые разработки советских ученых не ускользнули от внимания иностранной разведки. Журналист Павел Зарубин, приехавший из Москвы, чтобы написать об удивительном проекте, становится свидетелем того, как в дом Трофимова пытаются пробраться неизвестные. Именно там, в письменном столе, хранится тетрадь с необходимыми расчетами и формулами. Ранена собака инженера. На место преступления прибыл лейтенант государственной безопасности Мамедов, который и начинает расследование:

«Раздвинув шторы, лейтенант осторожно открыл пустую раму. Торчавшие осколки выпали и со стеклянным звоном рассыпались где-то внизу. Мамедов перегнулся через подоконник, прислушался к притаившейся в саду тишине. Потом вынул карманный фонарик, и желтоватое пятно света забегало по стволу дерева, стоявшего перед домом, скользнуло вниз и не спеша поднялось по стене к окну. На отогнутом ржавом гвозде, удерживавшем раму, висел небольшой клочок серой шерстяной материи».

Нужно отдать должное Кудашеву. Он в отличие от многих своих коллег сумел не засушить роман длинными наукообразными выкладками. Думаю, что в качестве редактора специализированного издательства автору пришлось прочитать не один километр текстов, состоявших исключительно из формул, таблиц и математических выкладок. Назвать такое чтение увлекательным трудно. Поэтому в своем романе автор не сдерживает воображение, не притормаживая его неочевидными для сюжета «познавательными», «образовательными» вставками. События в «Ледяном острове» развиваются весьма динамично. Вместе с Трофимовым работает молодой специалист Ольга Кириллова. Ее с Алексеем связывают непростые отношения. На Ольгу совершается покушение. Круг подозреваемых не так широк и включает в себя инженеров и технических работников, которые вместе с Трофимовым разрабатывают новейшее подводное оборудование. Капитан Винокуров демонстрирует инженеру фотопленки с чертежами последних изобретений лаборатории:

«Трофимов долго сидел молча. Винокуров, словно не замечая Алексея Петровича, листал папку с бумагами.

– Откуда это? – спросил наконец Трофимов, снова беря со стола темный рулончик.

– С небес. – Капитан сунул папку в ящик и серьезно посмотрел на Трофимова. – Да, да! Именно с небес. Есть фотолюбители, которые ради развлечения снимают на пленку всякого рода проекты, чертежи. Потом привязывают эти пленочки к воздушным шарикам-зондам

и пускают их в небо. Попутный ветер несет их через границу. Приходится принимать меры, чтобы они туда все-таки не попадали. Радиолокация – удобная вещь. Помогает.

Выжидающе посмотрев на Трофимова, капитан добавил:

– Значит, кто-то чужой имеет доступ к чертежам».

Враг намеревается нанести удар в финальной стадии испытания атомных холодильников, чтобы навсегда дискредитировать новаторские идеи советских ученых...

Нужно сказать, что роман обратил на себя внимание. За пять лет он переиздавался в Советском Союзе четыре раза, включая перевод на литовский язык. В 1960 году «Ледяной остров» перевели на финский язык. Очевидный читательский успех связан в первую очередь с удачным балансом между научными и шпионскими частями романа.

Не обошла вниманием книгу Кудашева и критика. В № 11 журнала «Наука и жизнь» за 1956 год выходит обзорная статья Николая Долотина «В мире фантастики». Критик высоко отзывается о научной составляющей «Ледяного острова»:

«Все это подано с такими техническими, бытовыми и психологическими подробностями, что невольно воспринимаешь описываемые факты как вполне достоверные. Это и есть настоящая научная фантастика».

И тут же привычно осуждается шпионская линия романа:

«Не лишено произведение и трафарета: в нем действуют непрменные персонажи многих наших приключенческих книг – шпионы и работники разведки – “дежурные” образы, обрисованные весьма схематично».

Привычное осуждение в адрес «непрменных персонажей» – «шпионов» и «работников разведки» – еще одно свидетельство ожесточенной борьбы против шпионского романа, развернувшейся в советской критике того времени. Об ее причинах и ходе я уже рассказывал в прошлых выпусках серии. Но в любом случае читатели голосовали не за «научные подробности», а за те самые «дежурные образы» и «трафареты», превратившие «Ледяной остров» в настоящий приключенческий роман.

В этом году исполняется семьдесят лет со дня первого издания книги. Думаю, что настал момент вспомнить, точнее, вернуть ещё один роман, занимающий достойное место в ряду советской шпионской литературы. Постепенно к нам возвращаются имена и книги, образующие целый подводный материк, который сегодня постепенно, «покнижно» открывается взгляду нашего современника.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Пролог

Немецкие мины рвали землю. Автоматные очереди заглушались сплошным грохотом разрывов. Чернота осенней ночи вдруг отступала, и искалеченная земля словно седела под мертвящим блеском осветительных ракет.

В этом крошечном пространстве темноты и света по перепаханному снарядами полю, прижимаясь к сырой, холодной земле, ползли два человека в шинелях: капитан и сержант. Используя неровности местности, они стремились уйти от смерти. При вспышках ракет оба замирали, прощупывая глазами следующий этап пути. И, как только угасал свет, торопливо двигались дальше.

Сноп шальных трассирующих пуль накрыл сержанта. Капитан торопливо приблизился к своему спутнику и тронул его за плечо, но, увидев поникшую набок окровавленную голову сержанта и остекленевший взгляд широко открытых глаз, двинулся вперед.

Капитан спешил к небольшой лощинке, по которой можно было сравнительно безопасно добраться до окопов. Но, как ни близка была эта спасительная лощинка, укрыться там не удалось. Автоматная очередь настигла его у самой бровки. Сорванная пулей фуражка лениво скатилась в воронку.

Но что это? Снова по изуродованной земле, словно ящерица, скользит человек. Тускло поблескивают лейтенантские звездочки на погонах.

Этому, третьему, повезло. Он быстро достиг лощинки и тут заметил лежащего капитана. Приблизившись к нему, лейтенант на мгновение задумался и, что-то решив, попытался перевернуть тело капитана. Капитан застонал. Лейтенант взвалил раненого себе на спину. Обливаясь потом, он метр за метром приближался к окопам. Вот до них осталось не более десяти шагов; лейтенант остановился, перевел дух. Когда он собрался двинуться дальше, рядом плюхнулась мина.

Взрывной волной их бросило вперед. Тело капитана, упавшее на бруствер окопа, перевернулось вниз и мешком сползло в траншею. Раненого лейтенанта, оглушенного взрывом, солдаты подобрали за бруствером.

Очнулся капитан уже в полевом госпитале. Вспомнив события страшной ночи, спросил у сестры: не знает ли она, что случилось с человеком, вынесшим его с поля боя. Девушка указала на соседнюю койку.

Преодолевая боль, капитан протянул соседу руку, еле слышно прошептал:

– Трофимов. Спасибо, друг!

– Сорокин, – представился раненый.

Часть первая

Разведчики черного золота

Глава первая

Павел Зарубин, глядя через ветровое стекло автомашины на далекие огни Приморска, обдумывал содержание будущего очерка. Тихая южная ночь, казалось, навсегда поглотила окружающие предметы; ничто не отвлекало, не рассеивало мыслей. Лишь время от времени на крутых изгибах шоссе в свете автомобильных фар вырастали седые придорожные кусты, да одинокие встречные машины тревожили тишину короткими гудками.

Несмотря на поздний час, было жарко. Сухой воздух, врывавшийся через открытые боковые окна, обжигал знойным дыханием. И лишь когда серая лента шоссе подходила к черной, как тушь, воде, в машину приносило приятную свежесть и запах моря.

У Черных скал машина в последний раз нырнула к морю, под нависшие утесы. Дальше шоссе круто поворачивало и, оттиснутое каменными кручами, уходило вверх, на плато. Днем отсюда открывалась великолепная панорама Приморска. И сейчас город манил к себе густой россыпью золотистых огней. А дальше, на фоне звездного неба, как страж города, возвышались могучие темные вершины Снежных гор.

Для Зарубина, проведенного в Приморске и на нефтяных промыслах, полукольцом окружавших этот крупный южный порт, несколько дней, все было новым, свежим, необычным – в нефтяном районе он был впервые.

Ночной вид Приморска дал новое направление его мыслям. Он вспомнил о Москве, о товарищах по работе, которые, провожая его, наперебой давали дружеские советы:

– Лучшего материала для очерка не найдешь. Море! Лес вышек! В зелени деревьев, как сказочные великаны, высятся колонны нефтеперегонных заводов! И учти: первое впечатление – самое верное. Потом уже не заметишь таких контрастов, свыкнешься с ними... – говорили одни.

– Не пиши по первому впечатлению, – советовали другие. – Сначала присмотришься, осмысли все как следует, врати в новую обстановку.

– Нет, ты пиши о людях, – наставлял кто-то. – Таких людей в другом месте, может, и не встретишь. Поверь мне, я бывал в подобных местах. Придешь на буровую, а там у огромных машин стоит этакий богатырь, в плечах косая сажень, рычагами двигает играючи. Кругом грохот, лязг железа, рев моторов, а для него это вроде музыки. И вся бригада под стать этому молодцу. Вот об этих-то людях и нужно писать.

С улыбкой вспомнил Зарубин и о книге Валентина Чуркина «Город черного золота», которую он взял из редакционной библиотеки перед отъездом. Это были очерки о нефтяных промыслах Приморска и его людях, написанные совсем еще недавно. В поезде он эту книгу прочитал и, когда подъезжал к Приморску, был уверен, что о нефтяном деле и о промыслах представление имеет достаточное.

Чуркин писал, что, когда поезд подходил к Приморску, он, как и другие пассажиры, впервые ехавшие в этот город, не мог оторваться от окна. Справа и слева от железной дороги лес ажурных вышек-гигантов уходил к горизонту. Стук колес, по свидетельству Чуркина, сливался со звонким пением роторов бурильных станков...

И Зарубин с нетерпением смотрел в окно вагона, желая скорей увидеть захватывающую картину, нарисованную Чуркиным. Но поезд подходил к Приморску, а никаких вышек, закрывавших горизонт, не было. Справа и слева расстился ковер садов, полей и огородов, среди

зелени которых четко выделялись белые постройки поселков и узкие ленты дорог. Вдали были видны тихое голубое море и уходившая в него узкая полоска земли со старой башней маяка. Разочарованный, он отошел от окна и стал упаковывать чемодан. Поезд подходил к перрону Приморского вокзала.

А когда через день Зарубин попал на буровую, он был не меньше удивлен царившей там тишиной. Пения стального ротора он не услышал. Вместо богатыря с плечами в косую сажень у автоматизированного пульта управления сидел и следил за приборами щупленький паренек лет двадцати. Это был бурильщик. Другой рабочий ходил возле машин, сосредоточенно наблюдая за их работой. И эти двое управляли бурением одновременно четырех скважин!

– Что, товарищ корреспондент, пришли посмотреть на нашу музейную буровую? – спросил Зарубина один из рабочих.

– Почему музейную?

– Ну как же! Ведь это техника вчерашнего дня. Так сказать, пройденный этап. Вот добурим куст скважин и отправим весь этот металл в переплавку...

– А чем же плоха эта техника?

– Да она не плоха. Хорошая техника, новая, и работает замечательно. Только ведь мы не стоим на месте. Новую технику заменяем новейшей. Вы про самоходные буровые установки ПБ–2 слышали? Нет? Ну, это вполне естественно. Они появились недавно. А как они работают! Вот эти четыре трехкилометровые скважины мы пробурим за месяц, а ПБ–2 за одни сутки может пробурить пятикилометровую скважину. И быстро, и затрат труда немного. Да что я вам рассказываю! Вот она, красавица, стоит!

Зарубин посмотрел, куда показывал рабочий, но ничего, кроме стоявшей у дороги большой, похожей на гигантскую улитку машины на гусеничном ходу, не заметил. Легким облаком не то пыли, не то пара за машиной дымился кипящий водоем.

– А где же вышка? – Корреспондент недоверчиво посмотрел на рабочего.

– Этого пережитка там нет...

Только потом, когда Зарубин ознакомился с пневматической установкой ПБ–2, он понял, насколько она была совершенней обычной буровой, поражавшей на первый взгляд гигантской вышкой и сложными машинами. Принцип ПБ–2 был чрезвычайно прост. В барабане-улитке помещалась свернутая огромной спиралью эластичная пятикилометровая труба, заканчивавшаяся тупорылым сверхчастотным вибратором.

По мере разматывания трубы вибратор погружался в землю, легко дробя в порошок самые твердые породы. Вихрь сжатого воздуха, нагнетаемого через трубу, выносил раздробленную породу в искусственный водоем.

Рухнули прежние, почерпнутые из книги Чуркина представления Зарубина о нефтяных промыслах. Это стало отчетливо ясно сейчас, когда хаос первых впечатлений сменился стройной картиной слаженной работы промыслов и заводов.

Зарубин теперь мог бы, не заглядывая в свои густо исписанные блокноты, продиктовать интересный очерк...

Дремавший полулежа на заднем сиденье машины Воронин резко выпрямился, жалобно скрипнули пружины. Обращаясь к сидящему за рулем инженеру Трофимову, спросил:

– А не кажется ли тебе, Алексей Петрович, что водоочистные сооружения и водопровод строятся слишком медленно?

Зарубин догадался, что речь идет о Светлоозерских промыслах, с которых они возвращались. Он повернулся к Трофимову, но тот молчал, положив обе руки на баранку руля. Губы его были плотно сжаты, светлая выгоревшая прядь волос падала на высокий, темный от загара лоб. Взгляд Трофимова ни на минуту не отрывался от шоссе.

Зарубин решил, что инженер, занятый своими мыслями, не расслышал вопроса. Но Алексей Петрович, словно ни к кому не обращаясь, вдруг заговорил:

– Да, строим действительно медленно, хотя в график укладываемся.

– А как, по-твоему, можно сократить сроки строительства против плана? – Голос Воронина уже не казался усталым. – Я говорю о большом сокращении.

– Ты предлагаешь дать строительству дополнительно людей и технику? – Трофимов давно научился читать мысли управляющего.

– Ну и что же? Дадим и то и другое, – оживился Воронин. – Ты меня понял. И я думаю, месяца через два-три мы завершим все работы и приступим к заводу промыслов.

– Это никому не нужна роскошь, Иван Николаевич, – спокойно, голосом, в котором слышалась твердая убежденность, возразил Трофимов. Он убавил газ, машина пошла медленней и бесшумней. – В общем, напрасная трата средств и времени. Так и всякий дурак сможет. Мы начнем...

– Как это роскошь? – всем корпусом подался вперед Воронин. – За пять месяцев мы задолжали государству полмиллиона тонн нефти, и если заводнение Светлоозерских промыслов затянем до осени, то будем должны и весь миллион. Миллион! Ты представляешь, что это такое?!

– А ты думаешь, объявить штурм – это единственный выход?

– Штурм, не штурм, а что-то предпринять надо.

– Есть выход. И какой выход, Иван Николаевич! – Трофимов резко затормозил машину, затем, повернувшись к Воронину, хитро улыбнулся и, выждав мгновение, с веселым задором продолжал: – Мы будем закачивать за нефтяной контур воду из Светлых озер – это раз, будем закачивать немедленно – это два, и уже в этом месяце начнем возвращать долг стране – это три. Я об этом думаю всю дорогу.

– Но ведь ты знаешь, что светлоозерская вода не годится для заводнения.

– Вчера не годилась – сегодня годится, – лукаво улыбнулся Трофимов. – Сейчас я тебе покажу. – Инженер толкнул дверцу и скрылся за багажником. Через минуту он остановился в свете автомобильных фар с небольшим, но увесистым мешком.

– Вот, смотри. – Алексей Петрович протянул вышедшему из машины Воронину горсть серого песка. – Это самый обычный песок нефтеносных пород. Мы смешали его с нефтью, создали в нем условия, аналогичные естественным, и затем прокачали через него светлоозерскую воду с нашим новым химическим реагентом. Ты только посмотри! Лучшим мылом так не отстираешь! Отделение нефти полное, даже запаха не осталось.

– Что же ты мне раньше-то не сказал?! – упрекнул Воронин Трофимова, поднося к носу горсть песка. – Это же чудесно! Просто замечательно! А что мы будем делать с водопроводом?

– Да, подавать воду от побережья теперь бессмысленно. Эта затея с водопроводом ломает все сроки и дорого нам обходится. Она напоминает мне историю с одним очень богатым, но не очень умным купцом, который печи в своем доме топил дровами, обработанными фуганком. Но трубопровод мы все-таки закончим. Он нам будет нужен для перекачки нефти к побережью.

– Интересно, – задумчиво произнес управляющий. – Выходит, что на других предгорных промыслах мы топим печи, как тот купец?..

– Выходит.

...Шоссе, по которому ехали Трофимов, Воронин и Зарубин, незаметно перешло в широкий проспект – Сталинградскую улицу. На углу улицы Горького, где находилось управление, Трофимов затормозил машину, и в то же мгновение Воронин необычайно легко для его пятидесяти лет и крупной фигуры выпрыгнул на мостовую; машина покачнулась на мягких рессорах.

– Итак, обо всем поговорим завтра, – сказал он, прощаясь с Трофимовым. – До свидания, товарищ корреспондент. – И Воронин широкими шагами направился к подъезду дома.

Зарубин тоже собрался сойти, но в нерешительности задержался. Очень хотелось побеседовать с Трофимовым. Случай был хоть и не совсем удобный, но на лучшую возможность в ближайшие дни корреспондент не рассчитывал.

– У вас ко мне есть дело, товарищ Зарубин? – как бы угадывая мысли корреспондента, спросил, включая скорость.

– Да, я хотел кое-что у вас спросить, – неуверенно ответил молодой журналист и поспешно добавил: – Если разрешите, я к вам завтра загляну.

– Вы думаете, завтра у меня будет больше времени, чем сегодня? Нет, ничего не выйдет. Лучше заедем ко мне сейчас. Поужинаем и потолкуем.

Зарубин почувствовал в словах Трофимова располагающую теплоту и больше из вежливости возразил:

– Неудобно беспокоить вашу семью, Алексей Петрович.

– Наоборот. Мать будет очень рада, а больше у меня никого нет. – В голосе инженера послышалась нотка грустного сожаления.

Глава вторая

– Эх! Совершенно забыл! – спохватился Трофимов, когда машина подкатила к старому двухэтажному дому на окраине города. – Мне ведь надо было обязательно забежать в управление. Вот растяпа! Как же быть, а? – не то к себе, не то к Зарубину обратился Трофимов.

Журналист не знал, что сказать. Он чувствовал себя очень неловко, словно не Трофимов, а он, Зарубин, забыл что-то в управлении, и из-за него инженер ругает себя растяпой. Если бы дело происходило днем, то Алексей Петрович наверняка заметил бы, как густой румянец залил щеки журналиста, ссутулились по-мальчишески узкие плечи. Но ничего этого Алексей Петрович не заметил и, повернувшись к Зарубину, сказал:

– Вот что, я вас провожу в дом. Пока там мама организует ужин, я вернусь.

– Нет, нет, Алексей Петрович, – еще более смутился Зарубин, – лучше я вас тут подожду. – И, открыв дверцу машины, журналист стал поспешно выбираться наружу.

– Тогда подождите меня здесь, Павел Константинович, – как можно теплее сказал Трофимов, видя, что Зарубин смущен и в нерешительности стоит около машины.

Когда машина скрылась за углом, журналист не спеша прошелся вдоль забора, примыкавшего к дому, заглянул в открытую калитку. Неосвещенный сад встретил его настороженной тишиной. «Хорошо тут, – подумал Зарубин, усаживаясь на скамейку под густым развесистым деревом. – Вот если бы еще маленький ветерок, было бы совсем не душно». Но вечер был тихий, безветренный. Сад словно заснул в неподвижном воздухе.

Откинувшись на жесткую спинку и глядя на звездное небо в просветы между темными массами листвы, Зарубин отдался мечтам, унесшим его в далекий и загадочный мир, посылавший сюда, на Землю, лишь слабое мерцание звезд. Может быть, и там... нет, не может быть, а обязательно есть подобные нашей Земле планеты, где обитают разумные существа. Похожи ли те существа на нас, людей? Какую стадию своего развития они переживают? И конечно, есть такие миры, где люди давно забыли, что такое война, человеческая ненависть, и, возможно, благодаря разуму их обитателей исчезли с лица планет болезни, уносящие еще у нас, на Земле, так много жизней. И наверное, разум и труд тех людей направлен на решение других больших проблем, ну, например, хотя бы на борьбу с охлаждением планеты. Или, наоборот, – на консервирование избыточной тепловой энергии.

Шорох кустов и треснувшая под ногой человека ветка вернули Зарубина к действительности.

«Наверное, влюбленные», – улыбнулся в душе журналист, всматриваясь в еле заметные тени двух фигур – одна повыше, другая пониже, но тут же увидел, что ошибся: это были двое мужчин. Когда они поравнялись с деревом, под которым сидел Зарубин, до него долетел торопливый полусшепот:

– Не забудь первым делом закрыть на крючок дверь, а тогда...

Мужчины быстро проскользнули, и других слов Зарубин не расслышал. Он рассеянно посмотрел им вслед и, вспомнив, что скоро должен вернуться Трофимов, стал прислушиваться к слабому шуму еще не спавшего города, стараясь услышать приближение автомобиля.

По расчетам журналиста, инженер вот-вот должен был вернуться.

Случайно Зарубин посмотрел в сторону дома, первый этаж которого был затенен высоким забором, а застекленные веранды второго этажа тускло поблескивали отраженным светом с улицы. Ветки дерева, стоявшего у самой стены, слабо покачивались, временами вздрагивая. Что такое, ветра нет, а они качаются? Зарубин с интересом стал наблюдать за странным деревом. Все сразу объяснилось, когда на суку дерева, на уровне второго этажа, появился силуэт человека. Одной рукой человек ухватился за дерево и, отклонившись, дотянулся свободной

рукой до рамы. Рама медленно открылась, и человек, оглянувшись, скрылся в темном провале окна.

«Воры! – подумал Зарубин и в то же время услышал шум приближающегося автомобиля. – А вот и Трофимов. Уж не в его ли квартиру они лезут?» Журналист не сомневался, что в дом проник один из тех двоих, что прошли мимо него.

Зарубин кинулся вдоль аллеи с намерением незаметно выскользнуть через открытую калитку на улицу и предупредить Трофимова. Но не сделал он и десяти шагов, как в доме раздался злобный лай и рычание собаки. Зазвенело разбитое стекло, и из окна вывалился темный живой ком. В то же время впереди Зарубина из-под дерева в сторону дома метнулась тень второго человека. Журналист на мгновение остановился. По свирепому рычанию собаки и коротким воплям и ругательствам он понял, что там происходит отчаянная борьба. Шум этой возни быстро приближался. Зарубин, испугавшись, отскочил в сторону и притаился в тени дерева. Уже можно было различить темный клубок, катавшийся по земле, к которому нерешительно подбирался другой человек. Вот вору удалось подняться на ноги, и он кинулся бежать, но собака стремительным броском взметнулась на его спину; и мощные челюсти сомкнулись в мертвой хватке где-то у шеи рухнувшего врага.

Второй человек, подоспевший к месту поединка, изловчившись, схватил овчарку за ошейник. Сверкнул нож, и собака, взвизгнув, упала на траву. Но тут же опять кинулась на нового врага. Тот ударил ее еще раз.

Запыхавшийся Зарубин в калитке столкнулся с Трофимовым.

– Скорее, воры!

– Какие воры?

Но Зарубин уже тащил инженера в сад, на ходу пытаясь передать виденное. Из бессвязных слов взволнованного журналиста Трофимов понял лишь, что произошло что-то необычайное.

Когда они подбежали к месту происшествия, ярким светом вспыхнула веранда, осветив аллею. На измятой траве, вытянувшись, лежала большая серая овчарка. Шерсть на ее боку потемнела от крови, пасть покрылась розовой пеной.

Трофимов бросился к собаке, нагнулся над ней, тихо позвал:

– Атаман!

Пес открыл глаза и, узнав хозяина, жалобно взвизгнул, попытался подняться, но не смог.

Бросив Зарубину пиджак, Алексей Петрович осторожно взял собаку на руки, пачкая кровью рубашку и брюки.

Зарубин еле поспевал за Трофимовым, торопливо шагавшим к калитке. Уже выходя на улицу, молодой человек еще раз оглянулся на освещенную веранду. Там, у открытого окна, появилась высокая седая женщина. Она нагнулась над подоконником, всматриваясь в темноту...

Шагая через две ступеньки, инженер быстро достиг площадки второго этажа.

– Открывайте скорее дверь! – бросил он через плечо Зарубину. – Ключ в пиджаке, в правом кармане.

Но журналист не успел вытащить ключ. Дверь открылась, и они столкнулись с женщиной, которую Зарубин видел в окне веранды.

– Батюшки! Что же это такое, Алеша? – испуганно застыла она на пороге.

– Мама, приготовь, пожалуйста, воду, чистую тряпку, бинт. Только поскорей...

Трофимов осторожно положил раненую собаку на коврик.

Мысли инженера лихорадочно прыгали от одной догадки к другой. Воры? Что им нужно? Нет, нет!

Вот уже больше года Алексей Петрович работал над очень интересным делом, сулившим а случае успеха революцию в одной из отраслей техники. Но он был не из тех беспечных людей,

которые оставляли дома интересные для чужого глаза материалы. Работать он предпочитал в управлении или в лаборатории, и все записи и расчеты, как и полагается, хранились в надлежащем месте. Правда, по вечерам, дома, мозг его продолжал работать, и его часто осеняли неожиданные мысли. Дававшие ответ на вопросы, над которыми он безрезультатно бился в течение многих дней. В таких случаях, чтобы не забыть внезапно пришедшее решение, он хватал карандаш и торопливо набрасывал на бумагу эскиз за эскизом, считал и пересчитывал, листал справочники, записывал, намечал новые условия эксперимента. И тогда для него не существовало ни времени, ни пространства, и лишь приглашение матери к завтраку внезапно переносило его в реальную обстановку. Но ни разу не забыл он отнести появившийся ворох бумаг с небрежными набросками и расчетами в управление.

«Да, у меня в доме нет пищи для охотников за секретами», – успокаивал себя инженер. Да и кто мог знать? Еще неделю назад ни один человек на свете не подозревал о его работе. Нет. Был такой человек. Кириллова. Но ей незачем лазать в окно. У нее так же, как у него, каждая формула в памяти, каждый чертеж она может точно воспроизвести с закрытыми глазами. Не зря она столько потрудилась в лаборатории над проверкой многих теоретических выводов. И сколько нового она внесла... «Да! А ее тетрадь, как я забыл!»

Трофимов, подхлестнутый этой мыслью, бросился на веранду, где стоял письменный стол.

Торопливо один за другим выдвигал он ящики.

«Вот она, на месте. Не успели. Молодчина, Атаман! А я-то шляпа! Совсем забыл и держу такое у себя!..»

Через минуту он уже набирал номер телефона.

– Капитана Винокурова...

Когда Трофимов вернулся в переднюю, к перевязке все было готово. Атаман неподвижно лежал на потемневшем от крови коврик.

– Ничего, друг, крепись. Сейчас мы тебя перебинтуем, а завтра придет врач. Поправись, – ласково говорил Трофимов. Пес жалобно и виновато смотрел на хозяина и пытался лизнуть ему руку.

Когда перевязка была окончена, Алексей Петрович унес спеленатую собаку. Мать Трофимова, подавленная происшедшим, молча стояла в передней.

Чувствуя, что дольше оставаться в чужой квартире при создавшихся обстоятельствах как-то неловко, Зарубин прикидывал в уме, как бы ему уйти. Он уже стал было снимать с вешалки свою шляпу, но тут вернулся Трофимов.

– Не думаете ли вы, Павел Константинович, сбежать от меня? – Круглое широкое лицо Трофимова осветилось приветливой улыбкой. – Ничего не выйдет... Да! Я и забыл вас познать со своей матерью. Мама, это Павел Константинович, писатель.

– Ну, какой я писатель, – смутился журналист, – пожимая широкую, немного загрубевшую ладонь матери Трофимова. – Я всего лишь корреспондент газеты и то еще как следует не освоил это дело.

– Вы не скромничайте, Павел Константинович, – обернулся Трофимов, перекидывая через плечо полотенце, – я читал сборник ваших очерков и рассказов. Совсем неплохо написано.

Зарубин еще больше смутился, вспомнив разносную статью одного критика, назвавшего его первый сборничек очерков и рассказов, изданный год назад, сомнительной пробой пера.

– А вы не стесняйтесь. Чувствуйте себя, как дома, – просто сказала мать Трофимова. – Вы, наверное, недавно в Приморске?

– Всего несколько дней.

– То-то я вижу, загар к вам еще не пристал. Проходите сюда, – указала она на дверь, в которой скрылся Трофимов, – освежитесь холодной водой. Вот вам полотенце.

На веранде, куда Надежда Ивановна провела Зарубина, когда он умылся, было необычно прохладно. Нежно благоухали цветы, ровным рядом стоявшие в кадках и горшках вдоль застекленной стены. Только один цветок лежал на полу, смятый и засыпанный землей. Тут же валялись черепки разбитого горшка. Чуть заметно колыхалась легкая штора; через которую просвечивала пустая рама с двумя острыми осколками стекла.

«Должно быть, на улице резко похолодало», – подумал журналист, наблюдая, как Надежда Ивановна, собрав в старое ведро землю, осторожно водворяла в него искалеченное растение.

– Вот ведь что натворили! – нарушила молчание Надежда Ивановна, привязывая стебель цветка к воткнутой в землю палке. – И откуда еще берутся такие ироды?

– Смелые воры, и собаки не побоялись.

– Ну, смелости большой здесь нет. Они были уверены, что в квартире никого нет. Я ведь в это время, как всегда, пошла с Атаманом погулять. Эти жулики и выждали, когда мы уйдем. А я с полдороги вернулась: вспомнила, что газ не выключила. И, как только я дверь открыла, Атаман кинулся внутрь – должно быть, почуял чужих людей. Я услышала, как здесь, на веранде, что-то упало, залаял, зарычал Атаман. Бросилась я сюда, но сразу никак не могла найти выключатель. А Атаман уже рвал кого-то в саду.

Зарубин, слушая Надежду Ивановну, наблюдал, как ловко, без суеты наводила она порядок в комнате. Когда она, словно мимоходом, переставляла какой-нибудь предмет, то казалось, что другого, лучшего, места для него в комнате нет. «Вот так же и мама», – подумал Зарубин.

– Жалко Атамана, – вздохнула Надежда Ивановна. Потом, словно встряхнувшись, она повернулась к Зарубину и чуть хитро, совсем как Трофимов, улыбнулась: – Ну, а как вам, Павел Константинович, здесь не душно? – И продолжала немного торжественно, с гордостью: – Это Алеша все. Он здесь, на веранде, работает. И у меня в комнате сделал такой же холодильник. – Надежда Ивановна глазами показала на ромбическую трубчатую решетку под потолком, хорошо гармонировавшую с переплетом рам.

– Так, значит, поэтому здесь так прохладно? – только теперь понял Зарубин.

– А то почему же еще? Раньше мы от жары задыхались, а теперь благодать...

Вошел Трофимов и быстрым взглядом окинул комнату:

– Эх, мама, что же ты наделала!

– Что такое, Алешенька? – Надежда Ивановна с недоумением повернулась к сыну.

– Ну как же, я звонил Винокурову, он обещал прислать следователя, а ты навела тут полный порядок.

– Но я, Алешенька, не знала. Что же теперь делать?

– Да уж теперь ничего не надо делать... А вот и звонят. Наверное, они. Пойду открою.

Через минуту Алексей Петрович вернулся, пропустив вперед лейтенанта государственной безопасности Мамедова.

– Жаль, что убрали комнату, – с досадой бросил он, выслушав всех троих.

Раздвинув штору, лейтенант осторожно открыл пустую раму. Торчавшие осколки выпали и со стеклянным звоном рассыпались где-то внизу. Мамедов перегнулся через подоконник, прислушался к притаившейся в саду тишине. Потом вынул карманный фонарик, и желтоватое пятно света забегало по стволу дерева, стоявшего перед домом, скользнуло вниз и не спеша поднялось по стене к окну. На отогнутом ржавом гвозде, удерживавшем раму, висел небольшой клочок серой шерстяной материи.

– Ну что ж, пройдемте в сад, – предложил Мамедов Трофимову и Зарубину, пряча в карман бумажный пакетик с клочком вещественной улики.

У подъезда лейтенанта поджидал солдат с собакой.

В саду Мамедов тщательно осмотрел помятую траву. Удалось найти пуговицу.

Мамедов дал собаке понюхать клочок найденной материи:

– Ищи!

Серая овчарка нервно покрутилась на месте и потянула в сторону. Лейтенант, удерживая собаку, продолжал на ходу осматривать землю.

– Очевидно, Атаман изрядно покусал этого человека, – проговорил он, разглядев при свете карманного фонарика темные пятна крови на припудренной пылью траве.

Капли крови были обнаружены еще в нескольких местах.

Четких отпечатков ног на сухой травянистой почве не было заметно.

Собака вывела лейтенанта и его спутников на загородное шоссе и здесь, покрутившись, остановилась.

– Ищи, Лайка. Ищи, милая, – тронул лейтенант шею собаки.

Та закружила на месте, нюхая землю, повела носом и села, виновато глядя в лицо своему проводнику.

– Так я и думал, – с досадой сказал Мамедов. – Тут они сели в машину. Ничего, человек не иголка, будем искать.

Глава третья

После ухода Мамедова на минуту воцарилось тягостное молчание. Первым нарушил его Алексей Петрович, обнял мать за плечи и бодро, как будто ничего не случилось, спросил:

– Скажи, мама, чем ты нас будешь кормить? Мы голодны, как волки.

– Уж чем-нибудь накормлю, – в тон сыну ответила Надежда Ивановна. Голодных легче кормить, съедите все, что подам.

Задрезжал телефон на письменном столе.

– Слушаю. Добрый вечер! Пожалуйста, буду очень рад вас видеть. Нет, нет, ничего. Спать мы еще не собираемся. – Алексей Петрович положил трубку. – Накрой, мама, на четырех человек, у нас будет еще один гость.

– Сорокин?

– Нет. Бери выше. Сам бог нефтяной геологии профессор Дубравин. Для вас, журналиста, – обратился он к Зарубину, – это находка. А пока он не пришел, давайте займемся вашими вопросами. Что вас интересует?

Беседуя, журналист с нетерпением прислушивался к редким гудкам автомобилей за окном. Встреча с Дубравиным была неожиданной удачей. Зарубин заерзал на стуле, когда в передней раздался бодрый басок профессора.

– Здравствуйте, Алексей Петрович! Извините, что врываюсь в такой поздний час. – Проходя в комнату, Дубравин окинул хозяина взглядом черных, глубоко сидящих под косматыми седыми бровями глаз. И без всякого перехода продолжал, сопровождая слова несколько резкими движениями рук: – Днем заходил в управление, но мне сказали, что вы на Светлых озерах. Вечером опять не поймал вас. А завтра я должен обязательно вернуться в Москву. К вам же, Алексей Петрович, у меня большое дело. Вот я и ворвался. Так что прошу извинить... Ну и жара сегодня в Приморске! Ведь ночь уже, а все еще дышать нечем.

– Прошу вас, Николай Дмитриевич, пройдемте на веранду, там прохладно.

– Вряд ли. Держу пари, что в Приморске сегодня нигде нет прохладного места, разве что в холодильнике. Я бы, знаете, за настоящее прохладное место сейчас согласился неделю не есть и не пить, – пошутил профессор, следуя за Трофимовым и вытирая платком лицо и лысину.

– Ну так считайте себя умершим с голоду, – рассмеялся инженер, пропуская Дубравина в дверь.

– О, да тут настоящая оранжерея! – воскликнул профессор.

– Это хозяйство моей матери.

– А где же она сама? Отдыхает? Нет? Тогда что же вы меня с ней не знакомите?

– Она, наверное, на кухне, сейчас придет. Познакомьтесь, Николай Дмитриевич, с нашим гостем, журналистом.

– Зарубин.

– Моя фамилия Дубравин. – Профессор в упор посмотрел на юное лицо корреспондента. – Не тот ли вы Павел Зарубин, – так, кажется, был подписан очерк о геологах, – который – в четвертичных отложениях открыл палеозой? – Из-под косматых бровей профессора сверкнули лукавые огоньки.

Зарубин готов был провалиться сквозь землю. Не только лицо, но и по-девичьи тонкая шея юноши покрылись пунцовыми пятнами. От смущения он не мог вымолвить и слова. Сжалившись над ним, Трофимов вмешался в разговор:

– А что вы скажете, Николай Дмитриевич, насчет температуры?

– Да, пари я, кажется, проиграл, – признался профессор и, посмотрев в сторону Трофимова смеющимися глазами, добавил: – И считайте, Алексей Петрович, что вы виновник моей голодной смерти. А только знаете что? Нельзя ли проигрыш заменить ужином?

– Ничего нет проще, Николай Дмитриевич, – засмеялся Трофимов. – Мама не знает о вашем поражении и готовит ужин на всех.

– А какая же все-таки здесь температура? – Дубравин серьезно посмотрел на Трофимова.

– Двадцать выше нуля.

– А снаружи?

– Днем было сорок два, а сейчас, должно быть, не меньше тридцати.

– Каким же колдовством вы добиваетесь такой прохлады? Не в цветах ли тут дело?

– Нет. Да вы садитесь. – Трофимов указал на легкое плетеное кресло возле круглого столика. – Сейчас раскрою секрет колдовства, если это вас интересует.

– Очень интересно, – вставил Зарубин.

Вошла Надежда Ивановна с дымящимся блюдом.

– Знаете что, Надежда Ивановна, – шутил профессор, познакомившись с ней, – вы мой ангел-хранитель. Алексей Петрович обрек меня на голодную смерть, а вы предлагаете такой чудный ужин! Мне уже не терпится отведать.

– Не хвалите прежде времени. Как бы ругать не пришлось, – заулыбалась Надежда Ивановна.

– Ну нет. Я как вошел, сразу понял, какой ужин готовится в этом доме.

Пока Надежда Ивановна хлопотала у стола, Алексей Петрович посвятил гостя в секрет искусственного климата комнаты.

– Все мое колдовство заключается в использовании давно известных химических реакций, проходящих с поглощением тепла. Я только нашел способ регулировать скорость реакции с помощью вот этого реле. – Трофимов указал на небольшой, похожий на электросчетчик прибор на стене комнаты.

– А где же самый холодильник? – Дубравин обвел глазами комнату.

– Вот он. – Трофимов указал на потолок.

– А каковы перспективы этого вашего открытия? – не отставал Дубравин.

– Поживем – увидим, – уклончиво ответил Трофимов.

– Да, забавная штука! – заговорил профессор, поднимаясь из-за стола. Когда он говорил о чем-либо серьезном, он непременно должен был ходить. – Между прочим, я сегодня уже перестаю поражаться. Это был действительно удивительный для меня день. Я побывал на Песчаной косе. Туда я ехал через Белые камни, а обратно – вдоль побережья. Приморские нефтяные промыслы я знал хорошо. Именно знал: здесь я начинал свою, так сказать, геологическую карьеру еще до революции, здесь же работал в двадцатых годах, не раз бывал в этом районе и после. И вот этих знакомых промыслов и, можно сказать, родных мест я не узнал. Ведь вы же, Алексей Петрович, не только оживили мертвые и омолодили старые промыслы, но и сказочно изменили их внешний вид. Кто бы мог подумать, что на этих голых камнях, покрытых грязью, будут цвести виноградники, лимоны, апельсины...

Зарубин, занявшийся ужином, теперь прислушивался к каждому слову Дубравина. Профессор все больше интересовывал корреспондента. Отложив вилку, журналист вооружился блокнотом и карандашом. А Дубравин говорил и говорил. Он шагал по комнате то быстро, то медленно, останавливаясь, трогая что-нибудь руками, и снова шагал.

– Что случилось, Алексей Петрович? – прервал себя профессор, заглядывая за диван, которым был отгорожен Атаман. Трофимов коротко рассказал о происшедшем.

– Н-да, – задумчиво вымолвил профессор, но тут же встрепенулся: – А вы знаете, что про ваши дела пишут американцы?

– Что оживление промыслов – это советская пропаганда? Что ж, они, пожалуй, правы. Мы не такие уж заурядные пропагандисты, ведь самый лучший вид пропаганды – это дела, а дела у нас неплохие.

– Да, я также полагаю, что у нас еще будет немало случаев для подобной пропаганды. Вот об одном таком возможном случае я и хотел с вами поговорить. – Дубравин замолчал и задумался.

– Я вас слушаю, Николай Дмитриевич. – Трофимов поудобнее устроился в кресле, откинувшись на плетеную спинку. Помолчав немного, профессор начал:

– Приморские месторождения, как вам известно, находятся на линии Снежных гор, идущих к Приморску с северо-запада. Вдоль этой горной цепи повсюду нефть. Из всех месторождений, расположенных в полосе Снежных гор, Приморские самые значительные. Снежные горы у Приморска не кончаются. Они лишь опускаются под море и уходят дальше, на юго-восток. По ту сторону моря цепь гор вновь поднимается, но уже не столь значительно, как здесь. Вдоль невысоких гор по ту сторону моря расположены нефтяные месторождения Кзылдаг, Небит-даг, Султан-даг и многие другие. Нефтеносен и полуостров Асфальтовый.

Теперь давайте горную цепь мысленно разделим на три части: западную – по эту сторону моря, центральную – под морем и восточную – по ту сторону моря. Каждая часть длиной в несколько сот километров. Нефтеносность западной части возрастает по направлению к морю. По ту сторону моря нефтеносность горной полосы увеличивается с востока на запад, то есть тоже по направлению к морю, и самыми богатыми являются промыслы, расположенные на восточном побережье моря. Теперь что вы скажете о центральной части Морской? – Николай Дмитриевич, опершись на спинку кресла, смотрел на Трофимова хитроватыми глазами.

Алексей Петрович молчал, пораженный. Он был удивлен не тем, что морское дно нефтеносно, – об этом он знал, к тому же мелководная прибрежная часть морского дна уже разрабатывалась и давала много нефти, – его поразил напрашивавшийся сам собою логический вывод: под морем скрыты наиболее богатые месторождения нефти. Алексей Петрович уже не раз задумывался, как добраться до нефти, скрытой многокилометровой толщей морского дна и мощным слоем воды.

Наконец инженер спросил:

– Значит, вы, Николай Дмитриевич, считаете, что наиболее богатые залежи нефти находятся под морем?

– Я в этом совершенно уверен! Правда, мы еще плохо знаем геологическое строение морского дна. Однако факты, о которых я говорил, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что под морем хранятся огромные богатства. Настало время позаботиться об этих богатствах.

– А какова глубина в этой части моря? – вставил Зарубин.

Дубравин, недовольный вмешательством корреспондента в разговор, всем корпусом повернулся в сторону Зарубина и ответил с иронией:

– Сущие пустяки, молодой человек. Каких-нибудь триста-четыре метра. Можете перейти вброд.

Зарубин обиженно поджал губы.

– Николай Дмитриевич, разрешите, я вам перемену чай, ваш совсем остыл, – снова выручил Алексей Петрович.

– Что? Чай? Хорошо, не возражаю.

– А вам, Павел Константинович, налить?

– Нет, нет, спасибо, – поспешно отказался Зарубин, хотя чаю ему хотелось.

Подвинув профессору вазочку с сахаром, Алексей Петрович задумчиво сказал, ни к кому не обращаясь:

– Да, задача трудная, но интересная и увлекательная. Есть над чем подумать.

– Так, значит, по рукам! – И Дубравин протянул инженеру руку.

– Не понимаю, что значит по рукам?

– Это значит, давайте вместе думать о том, как взять морскую нефть, и не просто взять, а взять скорее.

Алексей Петрович недоуменно смотрел на профессора.

– Чтобы вам все было ясно, дорогой Алексей Петрович, скажу больше. Вы, может быть, знаете, что последние два года я возглавлял геологическую экспедицию, работавшую на восточном побережье моря. Эта экспедиция была очень плодотворной. И, в частности, одним из важнейших результатов ее следует считать вывод о том, что под морским дном, между Приморским и Асфальтовым полуостровом, находятся богатейшие в мире месторождения нефти. О результатах разведочных работ я докладывал правительству, и мне сказали:

– А почему бы вам, товарищ Дубравин, не заняться этим делом?

Дубравин замолчал и из-под седых бровей в упор смотрел на Трофимова. Алексей Петрович молча чертил ложечкой на белой скатерти. Не в его манере было отвечать с ходу, не подумавши.

Его лицо, казалось, не выражало ничего. Только шрам на левой щеке, свидетельство о годах, проведенных на фронте, стал заметно бледней. Мысли, вызванные словами профессора, сменяли одна другую. Он видел море, то бушующее и беспощадное, то до безмятежности ласковое, но всегда щедрое к тем, кто умеет доставать его богатства. Трофимов почти физически ощущал нефтеносные песчаные массивы, придавленные многослойным пластом морского дна и тяжестью воды.

Ожидая продолжения разговора, не шевелясь, сидел и Зарубин. Корреспонденту казалось, что Алексей Петрович вот-вот заговорит. Но нарушил молчание профессор:

– Если вы, Алексей Петрович, согласны, то завтра вылетаем. Воронин все знает. Вот вызов. – И Дубравин передал Трофимову короткое письмо, подписанное министром.

Трофимов продолжал молчать, держа в руках письмо и не заглядывая в него.

– Ну а если вы не согласны, то мне разрешено не вручать вам этот документ, и тогда вы о нем ничего не узнаете.

– Нет, дело тут не только в моей согласии, – тихо и отдельно произнес Алексей Петрович.

– В чем же еще?

– Вот мы говорили с вами об оживлении мертвых промыслов. Но ведь еще далеко не все промыслы оживлены. Есть еще богатейшие нефтяные месторождения и залежи, хищнически загубленные еще до революции. Нефти в них уйма. Но она почти мертвая. Взять ее трудно. Да вот хотя бы промыслы Белые камни...

– Да, я помню. Когда-то там били тысячепудовые открытые фонтаны. А сколько газа зря выпустили!

– Вот-вот. Газ выпустили – и вся пластовая энергия ушла. Нефти там много, а отбираем мы ее в час по чайной ложке. И все потому, что вновь сообщить энергию пластам не можем. Пытались нагнетать в нефтеносные пласты газ, чтобы восстановить давление. Ничего не выходит. Эти старые, худые скважины, с грехом пополам зацементированные при царе Горохе, превратили промысел в решето. А с созданием законтурного водяного подпора совсем ничего не получается. Вода идет куда угодно, только в нужных пластах не держится, заливают нефтяные поля и еще больше портит дело. Вот если бы удалось изолировать нефтеносные пласты от водоносных, тогда бы можно было закачать в нефтяные залежи газ, восстановить давление и дать залежам законтурный водяной подбор. Подготавливаем мы кое-какое оружие против этой беды, но оно еще не готово. И мне бы хотелось это дело закончить.

– А кроме вас, Алексей Петрович, это дело некому возглавить?

– Нет, почему же, – улыбнулся Алексей Петрович. – Незаменимых людей не бывает.

– Ну вот и прекрасно! И министр мне сказал, что вы согласитесь.

– Министр? Откуда он мог знать? – удивился Алексей Петрович.

– На то он и министр, чтобы знать свои кадры. – Дубравин с отеческой теплотой посмотрел на Трофимова.

...Рассвет застал троих мужчин за беседой. Никто не мог сказать, когда ушла к себе Надежда Ивановна.

До вылета московского самолета оставалось еще несколько часов; все решили немного отдохнуть.

Но, прежде чем лечь, Алексей Петрович сел за письменный стол и на чистом листке бумаги написал:

«О.П. Кирилловой. Что нужно сделать в первую очередь».

Алексей Петрович задумался. Сам не зная зачем, выдвинул средний ящик стола. Взгляд его остановился на лежавшей там, уже пожелтевшей, фотографии девушки с задорным взглядом. Он взял портрет и прислонил его к письменному прибору. Вот оно, невозвратное прошлое – и радостное и до боли тяжелое. Сразу стало душно. Алексей Петрович потянул за ворот, пуговица отлетела и скатилась на пол.

Иру Коврову он встретил на школьном выпускном вечере.

В тот день мать подарила ему новый светло-серый костюм и сама повязала галстук. Пройдя к зеркалу, он не узнал себя. Перед ним стоял совсем взрослый, смущенно улыбающийся молодой человек. Мать подошла и встала рядом, положив руку на его плечо. Так минуту стояли они молча. Потом он повернулся к ней и, слегка нагнувшись, поцеловал ее в щеку.

Торопливо сбегая по широкой лестнице, он на площадке столкнулся с темноглазой девушкой. От толчка крохотная сумочка выскользнула из ее рук. Смутившись и покраснев до слез, он растерянно смотрел в смеющиеся глаза девушки, позабыв даже извиниться. Кто-то из ребят, пробегая мимо, случайно толкнул его, и он чуть снова не сбил девушку с ног. Она нагнулась за сумочкой, и только тут он догадался помочь ей. Тяжелая коса соскользнула с ее спины и коснулась щеки Алексея. Он окончательно растерялся и неожиданно сказал:

– Я вас не знаю...

Девушка улыбнулась ему и как ни в чем не бывало весело ответила:

– А я вас знаю. Вы – Алеша Трофимов. Лучший ученик десятого «А». Меня зовут Ира Коврова. Пришла к вам на вечер. Будем знакомы, – сказала она, первая протягивая руку.

– Откуда вы меня...

– Пойдемте, покажу.

И она потащила его наверх.

В актовом зале у стены толпились ученики. Ира и Алексей втиснулись в толпу, рассматривавшую портреты выпускников. В центре красовалась фотография Алексея с надписью: «Алеша Трофимов, лучший ученик десятого класса “А”».

Вернувшись домой, Алексей долго не спал, лежа с открытыми глазами. В ушах еще звучал задорный смех Иры.

Так началась их дружба.

Ира Коврова окончила девятый класс и летние каникулы проводила в Приморске. Встречи с ней навсегда остались в памяти Трофимова.

Расставаясь с Алексеем, уезжавшим в Москву держать приемные экзамены в институт, Ира подарила ему свою фотокарточку.

В Москве он с нетерпением ждал ее писем. Из них он знал все о ней: о школе, о преподавателях, о ее мечте поступить в медицинский институт. Но ей не суждено было учиться в нем. Наступил июнь 1941 года.

Не сдав последнего экзамена за первый курс, Алексей ушел добровольцем в действующую армию. Его направили в военную школу, и через несколько месяцев, в звании младшего лейтенанта, он попал на фронт. Связь с Ирой он потерял.

Сколько он ей ни писал, ответа не было.

Осенью 1943 года его часть была отведена в ближний тыл на кратковременный отдых. Когда батальон, которым он командовал, готовился к выступлению, его вызвали в штаб полка.

Шагая по заснеженной улице полуразрушенной деревушки, он услышал знакомый голос. Ошибиться он не мог. Это был ее голос! Он обернулся и с трудом поверил своим глазам. К нему бежала Ира. На ней ладно сидела серая шинель с погонами сержанта. Солдатский ремень туго перетягивал тонкую талию. Из-под ушанки выбивались завитки коротко остриженных темных волос. От легкого мороза алели щеки.

В ее улыбке, во взгляде было столько искренней радости, что Алексей, забыв обо всем, не обращая внимания на проходивших мимо солдат его батальона, кинулся к ней. Еще сейчас, после стольких лет, он снова ощутил холодную влажность ее губ.

Слегка отстранив от себя девушку, он долго смотрел в ее лицо. Это была та же Ира и в то же время другая. Она заметно повзрослела, возмужала. Только темные глаза смотрели задорно, как прежде.

Он узнал, что она с первых дней войны в армии. Не раз переходила линию фронта, налаживая связь с партизанами, с коммунистами-подпольщиками, оставшимися в тылу врага.

И этой ночью ей снова предстояло прыгнуть с парашютом за линией фронта.

За несколько часов, проведенных вместе, они успели сфотографироваться у корреспондента армейской газеты. Фотокарточка и сейчас висит в комнате Надежды Ивановны.

Это была их последняя встреча... Ира уходила на задание...

Батальон Трофимова уже несколько дней не выходил из боя, преследуя противника. Немцы не успевали закрепиться на очередном рубеже и снова и снова откатывались на запад. Наконец под деревней Большие Бугры батальон попал под сильный огонь, залегли и стали окапываться. Трофимов несколько раз поднимал солдат в атаку, но каждый раз приходилось отступать на прежние позиции, оставляя в неглубоком снегу павших товарищей. Огонь фашистов, засевших на господствовавших высотах, усиливался с каждым часом – враг непрерывно получал подкрепление. Советская артиллерия безуспешно пыталась нащупать и разрушить мост, по которому подходили фашистские резервы.

К вечеру бой стих.

Поредевший батальон Трофимова, как и его соседи справа и слева, готовился к ночному штурму. А перед рассветом партизаны взорвали мост и ударили немцам в спину. В совместном с партизанами штурме Большие Бугры были взяты.

...Иру хоронили за околицей деревни. Она погибла, прикрывая отход своей группы партизан-подрывников, уничтожившей мост.

Когда над могилой вырос холмик талой земли, минуту все стояли в тишине. Затем раздался троекратный залп солдатского салюта.

Окаменевший Трофимов вздрогнул. Не в воздух стреляли солдаты. Нет! Пули трижды прошли через его, Трофимова, сердце. А он все стоял, ничего не видя перед собой.

Пожилый усатый солдат, случайный свидетель недавней встречи Трофимова с Ирой, тронул его за плечо:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, пора идти.

...Сколько времени простоял он одиноко над могилой? Минуту, час, два? Взгляд его упал на сиротливую, по-зимнему голую молодую березку. Саперной лопатой он осторожно очистил от снега землю вокруг тонкого ствола и стал окапывать нежные корни...

Последний раз Алексей Петрович был на могиле Ирины прошлым летом; чьи-то добрые руки положили в тот день на заросшую травой могилу, к самому стволу зеленокудрой березы, полевые цветы.

Глава четвертая

От удара кулаком по столу зазвенела посуда. Хрустальный бокал, стоявший на краю стола, упал на пол и разбился. От второго удара перевернулась пепельница, и на залитую вином скатерть высыпались изжеванные окурки. Гул голосов оборвался, и все находившиеся в ресторане обернулись в сторону столика, за которым сидели трое мужчин – инженеры Родионов и Белоцерковский и геолог Ветров. Белоцерковский заискивающе успокаивал захмелевшего приятеля:

– Ну зачем так, Александр Емельянович! Никто не спорит. Конечно, кроме тебя, некому быть главным инженером. Тебя и назначат. Это определено. А о Трофимове ты забудь.

– Плевать мне на вашего Трофимова! – крикнул Родионов, и новый удар потряс столик. Подбежавшие официанты стали успокаивать скандалиста.

Ветров пожалел, что принял предложение посидеть часок за дружеской беседой. Он с нескрываемым отвращением смотрел на перекошенное злобой длинное лицо Родионова с дергающимися побелевшими губами. От его обычной холодной надменности не осталось и следа.

Белоцерковский не скупился на лесть, чтобы угодить будущему главному инженеру.

Родионов потребовал еще вина.

Ветров решительно встал, собираясь уходить. Заметив это, Родионов зло сказал:

– Тебе что, наше общество не нравится?

– Ну что вы! Общество изысканное!

Ветров повернулся, направляясь к выходу. Почти у самой двери его догнал Родионов:

– Пстой!

– Что вы от меня хотите? – с неприязнью спросил Ветров.

Родионов, притянув Ветрова за борта пиджака,дохнул водочным перегаром:

– За Трофимова обиделся?

– Оставьте вы в покое Трофимова! И уберите руки.

– Не пуцу! – упрямо мотнул головой Родионов, крепче сжимая кулаки.

Ветров спокойно взял Родионова за кисти рук и сжал их, словно железными тисками. Ослабевшие пальцы Родионова разжались сами собой. Слегка оттолкнув его от себя, Ветров быстро вышел.

– Трофимовский прихвостень! – бросил ему вслед Родионов. С мрачным лицом, пошатываясь, он вернулся к столику. Белоцерковский наклонился к самому уху Родионова и быстро зашептал:

– Ты будешь главным инженером объединения. Только нельзя сидеть и ждать. Надо положить на обе лопатки Трофимова. И это должен сделать ты. У меня есть план.

– Ну? – тупо уставился на приятеля Родионов.

– Всю его работу надо представить в соответствующем свете. Необходимо доказать, что Трофимов авантюрист. А это сделать нетрудно.

– Ерунда! Я с самого начала был против всех его мероприятий и погорел.

– Нет, не ерунда, Александр Емельянович. Сейчас ты все поймешь. Трофимов заслужил славу талантливого инженера на контурном заводнении? Да? Ты был против перенесения опыта восточных районов сюда, в Приморск. Почему? Потому что там нефть залегают в спокойных складках и условия для заводнения идеальные. Здесь – совсем другое дело. Каждая складка похожа на перевернутую тарелку, разбитую на мелкие куски. К тому же месторождения здесь старые. Ты, Александр Емельянович, предупреждал, что возможно обводнение и гибель залежей нефти?

– Предупреждал и был разбит.

– Совершенно верно. А сейчас что оказалось? Ты оказался прав, а действия Трофимова – чистейший авантюризм.

– Как так?

– Очень просто. Законтурное заводнение мы применили почти на всех промыслах. Да? А что мы имеем в Белых камнях? Что?

– Ну, обводнение самой залежи.

– Вот именно, обводнение. И вместо нефти добываем почти чистую воду. Холодную балку тоже обводнили. А Черную речку? А Кирьяновскую долину? Кто был прав: ты или Трофимов?

– Да, но на других промыслах, где применено законтурное заводнение, мы сейчас добываем нефти в полтора раза больше, чем раньше.

– Это ничего не значит. Добыча повышается лишь вначале. Вперед надо смотреть, Александр Емельянович. Под угрозой обводнения находится еще много промыслов. Что хотят сделать Воронин с Трофимовым? Ускорить заводнение Светлоозерского месторождения и других промыслов. А добыча нефти уже сейчас начинает падать. План ведь не выполняем. Задолжали целых полмиллиона тонн. А дальше что? Полный крах!

Белоцерковский замолчал, выжидающе глядя на отупевшего от водки Родионова. Родионов некоторое время смотрел на приятеля, стараясь вникнуть в смысл его слов. Потом лицо его перекопилось в нехорошей улыбке. Он сказал:

– Ты, Борис, хоть и подлец, а светлая у тебя голова. Давай выпьем.

– Подожди, Александр Емельянович. – Белоцерковский, заискивающе улыбаясь, старался поймать взгляд Родионова. – Слушай дальше. Кто предложил забойный депарафинизатор? Кто?

– Ну, Трофимов.

– Кто был против?

– Я.

– И ты тоже считаешь, что потерпел поражение?

– А, по-твоему, я выиграл?

– Вот именно!

– Что?

– Ты был прав, дорогой Александр Емельянович. Вот послушай. Где применили забойный депарафинизатор? На месторождениях Зеленого мыса. Больше нефти стали давать скважины? Нет. Меньше. В чем причина? Конечно, в этом пресловутом забойном депарафинизаторе, благодаря которому Трофимов приобрел еще больший авторитет. Сейчас вся призабойная зона закупорена парафином, и нефть к скважинам почти не поступает.

– Ты, Борис, что-то путаешь, – пьяным голосом возразил Родионов. – Там это дурачье подключили де... депарафинизаторы, знаешь как? А на других промыслах депарафинизатор дал хорошие результаты.

– Какое нам дело до других промыслов! Зеленый мыс – это наш козырь. Депарафинизаторы там выкинули, и никто, кроме нас с тобой, не знает, почему они не дали результатов. И не надо, чтобы знали. Мы закачаем в скважины горячий газ, очистим от парафина призабойную зону скважин и снова оживим промысел. Это будет наш актив. Слушай дальше. Ты, Александр Емельянович, знаешь, что Воронин по предложению Трофимова распорядился закачивать за нефтяной контур воду из Светлых озер. Ты был против, но тебя не послушались.

– Я и сейчас против.

– Вот, вот. Пока нет в Приморске Трофимова, иди к Зарубину и снова протестуй. Основание есть.

– Ты имеешь в виду скважины Рыбацкой бухты?

– Именно.

– Ерунда. Дело там не в светлоозерской воде. Просто шторм разбил арматуру, и скважины забило песком и илом.

– А кто это знает?

– Я знаю.

– Ну а почему нельзя сказать, что там отложились соли и окислы железа из-за того, что эта вода не годится?

Родионов с минуту тупо смотрел мутными глазами на Белоцерковского, потом, осмыслив его слова и погрозив пальцем, проговорил:

– Ну и хитер же ты, Борька! Только в чем же твой план? Белоцерковский, приблизив губы вплотную к уху Родионова, что-то быстро зашептал.

– А ты, пожалуй, прав, – сказал Родионов, выслушав приятеля. – Это здорово! Прямо министру!

– А еще лучше в Цека.

– Вот это здорово! Не умеи работать – умеи отчитываться. Ты все это сам напиши. У тебя это здорово получится, а я подпишу. А знаешь, Борька, этот Трофимов у меня давно вот здесь поперек стоит. – Родионов провел ребром ладони по горлу. – Как вернулся из армии, поступил к нам на второй курс. Сразу ему и то и се. И он первый студент! Ну как же, фронтовик! Боевой командир! Грудь в орденах! А еще неизвестно, что он там был за командир! – зло выкрикивал Родионов. – Может быть, я...

– Нет, это ты, Александр Емельянович, напрасно. Учился он хорошо. А вот только зря ты стерпел, когда он тебе за девчат челюсть набок свернул, – умышленно напомнил Белоцерковский своему приятелю старую обиду.

– Борька! – В голосе Родионова послышались угрожающие нотки. – Не говори мне об этом... Я еще с ним рассчитаюсь! За мной не пропадет!

– Только ты не упускай момента. Сейчас ситуация самая подходящая. И тогда его песенка спета, а ты будешь первым заместителем у Воронина, главным инженером. А там, кто знает, усидит ли на своем тепленьком местечке. Чем ты хуже его? Только ты, Александр Емельянович, меня не забудь.

– О чем разговор! Конечно. Выбирай что хочешь: хочешь, на мое теперешнее место, хочешь, главным инженером управляющим любого треста. А Трофимова я назначу дежурным слесарем на самый отстающий промысел. Ха-ха.

– И тогда посмотрим, чья будет Кириллова! А сейчас давай выпьем.

– С удовольствием...

На другой вечер Белоцерковский принес на квартиру Родионову длинную кляuzu, которую тот подписал.

– А ты знаешь, Борис, я говорил с Ворониным. Он приостановил закачку воды на Светлых озерах. – Родионов торжествующе посмотрел на Белоцерковского.

– Мало. Надо добиться полной отмены приказа.

– Постараюсь. Ну, вот что. Ты это отправь сегодня же. – Родионов указал на кляuzu. – А мне сейчас некогда. Иду в театр. Знаешь с кем?

– Неужели с Кирилловой?

– Спрашиваешь!

– Ну, поздравляю.

Глава пятая

В подавленном настроении вернулась домой Ольга. Швырнув на диван сумочку, она задернула штору на темном окне и, сбросив туфли, по привычке с ногами влезла в стоявшее у письменного стола широкое мягкое кресло. Машинально выдернула из головы шпильки. Тяжелый пучок развалился, две большие косы скользнули на спину. Ольга почувствовала, как сильно устала за этот сумасшедший день. Девушка долго сидела в раздумье. Двигаться больше не хотелось, но мысль о завтрашнем дне волновала Ольгу. Все ли они подготовили к испытанию атомных холодильников? Еще и еще раз она пыталась продумать все от начала до конца, но не могла. Другие мысли не давали сосредоточиться на предстоящих испытаниях, вызывали злость и возмущение. Днем, в разгаре работы, Ольге позвонил председатель комиссии, приехавшей из Москвы по заявлению Родионова, и попросил зайти. Оторваться от дела она не сумела, но кляуза Родионова, о которой узнала из разговора с председателем комиссии, так возмутила и расстроила ее, что продолжать работу с прежним увлечением она уже не смогла. «Спасибо еще Тане и Ашурбеку, – думала Ольга, – прямо перед ними стыдно – они все сегодня сделали за меня. Но хорош же этот Родионов! До чего дошел!» Ольге было так тяжело, будто кляуза была написана не на Трофимова, а на нее.

– Позвоню ему. – Она протянула руку к телефону.

– Что-нибудь случилось? – спросил Алексей Петрович после первых же ее тревожных слов.

Ольга торопливо рассказала ему о беседе с председателем комиссии.

– Все знаю, Ольга Петровна. Зря волнуетесь, к вам это не относится. – И, почувствовав, должно быть, что сказал не то, Трофимов со смехом добавил: – Заявление пустое, разобраться в нем нетрудно. Чудак этот Родионов, должно быть, написал спьяну. – Голос Алексея Петровича казался спокойным. Но в сдержанности Ольга почувствовала тревогу.

– Как он посмел?! – негодовала она. – Как можно быть таким непорядочным?

– Вас это удивляет? – тихо, с грустью ответил Алексей Петрович. – А меня нет. И давно. Ну, да стоит ли об этом говорить. Вы очень устали, Ольга Петровна? – переменял он разговор.

– По правде сказать, очень. А что?

– Да ничего особенного. Вечер сегодня чудесный, – неуверенно, словно не зная, что сказать, промолвил Алексей Петрович. Что-то нежное и радостное шевельнулось в груди Ольги. Она уже собиралась с духом, чтобы сказать, что она совсем не устала, но как-то растерялась, замешкалась, и Алексей Петрович, выждав немного, сказал: – Ну ладно, желаю вам хорошо отдохнуть...

В трубке слышались короткие гудки.

«Что же это такое? – с досадой подумала Ольга, чувствуя, что краснеет. – Почему я так робею перед ним?»

Немного успокоившись, она выдвинула верхний правый ящик и достала тетрадь в черном переплете. Подержав некоторое время в руках, наугад раскрыла на середине. Одну за другой стала читать густо исписанные страницы.

«19 мая. Ох, как трудно нам будет без А.П. Мне даже страшно. И не чуточку, а очень. Не представляю, как мы будем готовить холодильники без него. И вообще мне без него как-то неуютно. Хоть бы два слова написал чего-нибудь такого... А то О.П. Кирилловой. Что нужно сделать в первую очередь. Дальше идет сухой перечень заданий. И ничего больше...»

28 мая. Всего 10 дней, как уехал в Москву А.П., а мне кажется, что прошла вечность... Неужели он не вернется в Приморск? А впрочем, почему он должен сюда возвращаться? Сегодня Воронин сказал мне, чтобы мы заканчивали работу с холодильниками одни, без А.П.

Он сказал еще, что А.П. могут от нас взять для выполнения особого правительственного задания.

Завидую я таким людям, как он! Вчера он был здесь, в Приморске, а завтра с той же энергией будет работать где-нибудь в Сибири. И что бы ни случилось, он всегда спокоен и выдержан. Почему я не могу так же? Ведь и для меня мои пробирки, колбы, реактивы и этот микрохолодильник дороги.

А оказалось, что это не все: вот он уехал, и я сразу раскисла.

Я понимаю, что это смешно. Чего, собственно, мне и раскисать-то? Что я для него? Такая же, как и все. За три года, что мы знакомы, мы не стали друг другу ближе, хотя одна мысль, что я его больше не увижу, для меня мученье. А для него смысл жизни – в работе, в делах, которым он отдает себя целиком.

И все же, мне кажется, я не права. Не может человек жить без личного.

Почему он всегда так сдержан со мной? Ведь может же он с другими шутить, смеяться. Наверное, я сама виновата. Ну, что я с собою сделаю, если дурацкая робость одолевает меня в его присутствии. Невольно ни о чем, кроме этих пробирок, реактивов и приборов, – будь они неладны! – не могу с ним говорить.

Вот Таня Березина. Молодец! С кем угодно, на какую угодно тему может болтать хоть год. И славно это у нее получается. Сегодня заходил к нам корреспондент из Москвы Зарубин. Она его заставила краснеть, как мальчишку. А ведь в первый раз видит человека.

Она ворвалась ко мне с каким-то вопросом и, увидев постороннего, замолчала на полуслове, прикусив губу. Я передала Зарубина под опеку Тани.

Ох, как она была с ним бесцеремонна!

– Вы журналист? Вот бы никогда не подумала! – сразу же выпалила она. И тут же задала кучу вопросов: и давно ли он пишет, и почему она ничего не читала, и сколько ему платят и как платят – за строчку или просто оклад по штатному расписанию, и где он учился?.. И как задала! Ему оставалось только краснеть. Должно быть, очень робкий. Он к ней:

– Татьяна Николаевна!

А она:

– Зовите меня просто Таня.

Я даже незаметно дернула ее сзади. А она только сверкнула озорными глазами и, повернувшись к нему, повелительно сказала:

– Идемте.

А вообще Танюша молодец! Мне кажется, если она полюбит, то не будет ждать признания, а первая это сделает и не даст человеку опомниться.

Когда Зарубин ушел, Таня забежала ко мне:

– Смешной. Хочется посадить его на ладонь и погладить, как цыпленка.

И вправду, Зарубин был похож на цыпленка. Из большого, не по размеру, крахмального воротничка, как из скорлупы, торчит светленькая, почти желтоволосая голова на тонкой шее. Но он чем-то располагает к себе.

31 мая. Как я сегодня устала! И как незаметно пролетел день. Собрали и испытали 15 холодильников. Скоро повезем их к Гасан-Нури, опробуем в промышленных условиях. Он сегодня звонил мне. Переживает, что не выполняет план. Верит в наши холодильники, кажется, больше, чем я сама. Все ли правильно сделали? А вдруг что-то недосмотрели? Ах, как жаль, что нет А.П. Показать бы ему.

Сегодня была в ателье. Таня Березина сказала, что платье вышло здорово. Так и сказала: “Здорово”. И еще добавила: “Неприменно понравится А.П.”. А я, кажется, покраснела.

“Все. Пора, Оленька, спать”, – так бы, наверное, сейчас сказала мне мама. Ну что ж. Спать, так спать. Завтра воскресенье. Договорилась с девчатами поехать на пляж к Зеленому мысу.

2 июня. Да, теперь все ясно. В Приморск он не вернется. Хватит. Пора выкинуть из головы эту дурь.

3 июня. Никогда себе не прощу вчерашнего! Зачем я только пошла в театр? Когда Саша Родионов провожал меня домой, нам встретился А.П. Он шел, должно быть, с московского вокзала. Я так растерялась, что не ответила на его приветствие.

Как хотелось взять его большую и сильную руку и прижаться к ней щекой!

До чего же гадко на душе!

А может быть, это и лучше. Пусть думает, что хочет. Ему, наверное, неприятно было бы узнать, что он для меня значит больше, чем все другие на свете. Еще, чего доброго, стал бы жалеть меня. Нет! Уж лучше пусть ничего не знает.

Пусть гадко на душе, но все равно хорошо, что он опять здесь. Опять можно видеть его.

Он теперь главный инженер вновь организованного треста «Морская нефть». Вот оно, правительственное задание – добывать нефть из-под морских глубин. Интересно, как они, как он решит эту задачу? Верю, что справится. Жаль только, что я ничем не могу содействовать его успеху.

Позвоню ему завтра, пусть зайдет в лабораторию посмотреть микрохолодильники. А то вдруг мы сделали что-нибудь не так? Подведем Гасан-Нури и сами опозоримся. Нет. Сама звонить не буду, попрошу Таню.

5 июня. Слушала «Пиковую даму». С Таней и Зарубиным. Это он купил билеты. Чудак! Должно быть, стеснялся пригласить одну Таню. Купил три билета и Таню пригласил через меня. Сегодня он не казался мальчишкой. Оказывается, в этом виновата Таня. Это она успела уже заставить его приобрести костюм по росту и нормальную сорочку. И молодец! Ее стараниями он превратился в элегантного молодого человека. И стал гораздо солидней. Но с ней определенно что-то творится. Сегодня она не щебетала, как обычно. Должно быть, он ей очень нравится. Рада за нее. Он и правда славный. Прекрасно знает русскую и западную литературу.

А как интересно рассказывает о Бальзаке... Счастливые!

6 июня. Сегодня поссорилась с А.П. Глупо, но поссорилась. Недели две тому назад я заказала на заводе пять колонок для разгонки нефти. Утром мне позвонили с завода и сообщили, что три колонки готовы, а остальные завод изготовит позднее, так как у него есть более срочные заказы. Проехала на завод. Зашла к главному инженеру Штанько, у которого в это время сидел А.П. Должно быть, вид у меня был не особенно дружелюбный, так как, не успев я закрыть за собой дверь, как Штанько меня спрашивает:

– Что случилось?

А я ему:

– На каком основании вы вернули мне заказ на две колонки?!

– Основание, – говорит он, – простое: имеются более срочные и более важные заказы треста «Морнефть», а вам придется обойтись пока тремя колонками.

– И в самом деле, Ольга Петровна, – вмешался в разговор А.П., – вы вполне обойдетесь тремя колонками, ведь вы еще можете работать на старых.

– А почему это вы решаете за меня, могу я обойтись или нет? – ответила я резко, сама не зная зачем.

– Я не за вас решаю, я знаю состояние вашей лаборатории, – ответил мне А.П. и продолжал: – А нам нужно срочно укомплектовать аппаратурой отряды морской разведки. И мне кажется, вы зря волнуетесь, Ольга Петровна.

Его спокойствие окончательно вывело меня из равновесия. Вместо того, чтобы действительно утихомириться и уйти, я еще больше раскипятилась и стала говорить черт знает что, под конец сказала ему страшную глупость:

– Вашей морской нефтью еще и не пахнет, мне надо исследовать реальную нефть!

– Ею никогда и не будет пахнуть, если все будут помогать нам так, как вы, Ольга Петровна. – И в голосе А.П. появились какие-то новые, металлические нотки, которых я никогда раньше не замечала.

Ох, и дура же я!

И если бы А.П. был один, я бы, не задумываясь, извинилась, но глупая гордость помешала мне это сделать при Штанько. Я выбежала из кабинета, не сказав больше ни слова.

И чего я упрямылась? А.П. тысячу раз прав. Мы можем еще работать на старых колонках.

Какая я все-таки в сравнении с ним плохая! Когда Таня попросила его проверить холодильники, он немедленно приехал и возился с ними почти три часа. По его предложению мы изменили соединения в электроаппаратуре, повысили вольтаж, и микрохолодильники стали работать лучше, теплопоглощение увеличилось вдвое. Теперь я в них уверена. И вот как я ему отплатила! А ведь сейчас ему, должно быть, очень трудно. Надежда Ивановна говорила мне, что он спит всего по три-четыре часа в сутки. Завтра же пойду к нему и извинюсь за все, за все!

8 июня. Так мне и надо! Я не спала всю ночь. Наделала глупостей, а теперь мучаюсь. Вчера хотела пойти в “Морнефть” и извиниться перед ним, но не решилась.

А сегодня встретила его на улице. Мы шли с Таней и почти столкнулись с ним. Я опять растерялась и не могла сказать ни слова. А.П. разговаривал и шутил с Таней так, словно меня и не было рядом. Хороша бы я была, если бы полезла к нему со своими извинениями. Да и к чему извиняться?

Надо же иметь гордость.

9 июня. Сегодня встретила Родионова. Опять объяснялся в любви. Это у него, очевидно, вошло в привычку. Тане Березиной клялся, Гале Федоровой тоже. Любе Фроловой, Ане Крутиковой... Мне окончательно стало ясно, какой он истощенный человек. А ведь я его раньше считала неплохим. Как можно ошибаться в человеке! Почему он такой?

У него, кажется, нет друзей среди мужчин, кроме этого противного подхалима Белоцерковского. Но больше всего он ненавидит (да, именно ненавидит) А.П. Ненавидит за его талант, за его порядочность и, возможно, еще кое за что.

Он завидует любому чужому успеху, радуется любой чужой неудаче. Взять хоть бы сегодняшний случай. К нам зашел Зарубин. И как ему, бедному, не повезло! Его окатило масляным дистиллятом. Костюм, кажется, пропал. Но не это его расстроило. Когда он пытался отскочить в сторону, то споткнулся и уронил свою полевую сумку в приямок с кислым гудроном. В сумке были какие-то его рукописи и блокноты с записями. И вот Родионов, узнав от кого-то об этой нелепой истории, с злорадным смакованием пересказал ее мне.

И повозилась же Таня с пострадавшими бумагами! Почти все спасла. Зарубин все благодарил ее и стоял перед ней красный, не зная, куда девать свои длинные руки. И удивительно! Таня на этот раз не рассмеялась, как обычно, не начала подтрунивать над ним и, кажется, тоже чуть-чуть покраснела.

10 июня. Закончили сборку сорока аппаратов. Через неделю повезем их испытывать на промысел Белые камни.

12 июня. Какое в этом году жаркое лето! Девчата в обеденный перерыв бегают в купальню. Надо будет что-то предпринять, чтобы снизить температуру в помещениях. А что, если в каждой лаборатории установить по микрохолодильнику? Нет, этого еще нельзя сделать, могут быть неприятные последствия. Надо сначала проверить наш способ защиты. А пока можно будет охладить помещения по методу А.П. Попрошу Ашурбека заняться этим делом.

13 июня. Звонил Штанько, сообщил, что две последние колонки готовы. Он сказал: “Скажите за них спасибо А.П.: он в ущерб своим заказам настоял на изготовлении для вас этих колонок”.

Еще одна приятная новость: наша лаборатория передана тресту “Морнефть”.

Я чаще буду видеть А.П. Впрочем, не знаю, хорошо ли это. Встречи с ним и приятны и мучительны. Со мною он так сдержан и холоден!

14 июня. А.П. и Сорокин, – какие они разные и в то же время не такие, как все.

К А.П. большинство людей относится с уважением, и я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что не просто с уважением, а с любовью. Правда, есть люди вроде Родионова, которые его ненавидят: но это люди непорядочные, и их неприязнь к А.П. лишь подчеркивает хорошее и высокое в нем.

Совсем другое дело – Сорокин. Я не слышала, чтобы о нем кто-нибудь плохо отзывался, но и нет людей, которые им восхищаются. Все в нем в меру. И не больше и не меньше.

И этим он, я бы сказала, неприятен. Он словно не живет, а наблюдает жизнь со стороны.

И потому-то удивительна дружба этих людей. Говорят, что в первые годы после войны они очень дружили. Сейчас разная работа, разные интересы, очевидно, несколько разъединили их. Но хорошая мужская дружба у них осталась.

Какая я чудачка! Рассуждаю о порядочности, а сама поступаю нехорошо.

Сегодня после работы я сидела на берегу моря в Приморском парке. Читала. Вдруг вижу – идут А.П. и Сорокин.

Не заметив меня, они сели совсем близко. Мне следовало встать и уйти, а я осталась. А.П. интересно рассказывал о своей поездке в Москву. Потом молча курили. Сорокин почти ничего не говорил. Он лишь задавал А.П. вопросы.

А.П. время от времени набирал в руки камешки и, как мальчишка, кидал их в воду.

– В детстве я любил прыгать вниз головой вон с той скалы, – неожиданно после длинной паузы заговорил А.П., показывая на утес, повисший над морем.

Сорокин с сомнением покачал головой.

– Не веришь? – с мальчишеским задором сказал А.П. и встал. – Идем прыгнем.

Сорокин нехотя пошел за А.П.

Я не на шутку испугалась. Но мне было интересно посмотреть, хватит ли смелости у Сорокина прыгнуть с такой высоты. Однако неудобно было оставаться дольше, и я ушла в глубь парка. Вскоре я вернулась. Они снова сидели над обрывом: А.П. с мокрой головой, а у Сорокина действительно, должно быть, не хватило духу. Голова его была суха. Я поздоровалась. Сорокин любезно подвинулся, уступая мне место рядом с А.П.

– Нет, спасибо, – сказала я, – хочу прыгнуть в море вон с того утеса.

Мне не терпелось увидеть, какое впечатление это произведет на Сорокина. Я была уверена, что он побоялся прыгать вместе с А.П.

– Не хотите ли тоже попробовать? – добавила я. Но он в ответ лишь недовольно глянул на меня своими белесыми глазами.

На мне был купальный костюм, и я, отойдя за большой камень, сбросила с себя платье. Однако, когда посмотрела с выступа утеса вниз, то пожалела, что похвалилась. С такой высоты я никогда еще не прыгала. Но отступить было поздно. А.П. подошел ко мне и сказал:

– Может быть, не надо, Ольга Петровна?

И спасибо ему. Мужество вернулось ко мне. Я прыгнула. К счастью, удачно.

Когда я вновь поднялась на берег, Сорокин встретил меня злым взглядом. Вскоре он ушел, придумав какой-то предлог.

– Смелый вы человек, Ольга Петровна! – сказал мне А.П. – Сорокин – и тот не решился прыгать с этого утеса. По правде сказать, я за вас очень боялся. – И он засмеялся.

– Я и сама боялась, – призналась я. – А что, Сорокина вы считаете храбрым человеком?

– Несомненно. Я пробыл с ним вместе около года на фронте, и труса он никогда не праздновал. И вообще, он хороший человек. Правда?

Я ничего не ответила, вспомнив взгляд, которым меня наградил Сорокин.

15 июня. Сегодня мне с утра захотелось посидеть на берегу одной. Взяв книгу, я отправилась за Приморский парк. Устроившись под скалистыми утесами, я любовалась морем, которое еще не совсем успокоилось после недавнего шторма. Кругом было тихо и безлюдно. Сюда редко кто заглядывает.

Но сегодня, часов в десять, недалеко от устья Каменистой, я заметила детей – девочку лет шести и мальчика лет десяти. Они играли, бросая в воду камешки. Мальчик не отходил от девочки, не позволяя ей приближаться к обрыву. Вскоре я увидела еще одного человека – инженера Сорокина. Он сидел на противоположном берегу. Ни дети, ни Сорокин меня не заметили. Чем-то заинтересованный, мальчик на время забыл про сестру, а она подошла очень близко к краю обрыва. На крутом склоне песок под ее ножками осыпался, и она, громко вскрикнув, покатила вниз. Я поняла, что девочка упала в воду и ее может унести в море. Не поднимаясь наверх, я со всех ног кинулась вдоль берега, намереваясь перехватить девочку в устье речки. Но опоздала. Девочку, а вместе с ней и мальчика, бросившегося ей на помощь, течением уже вынесло в море.

Я бросилась в воду. В платье плыть было неудобно. Перепуганная девочка крепко вцепилась в брата, а он, уже выбившись из сил, с трудом держался на воде. Это оказались дети геолога Королева – Витя и Лена.

Во всей этой истории меня поражает одно – почему инженер Сорокин, видя, что дети тонут, не ринулся их спасать? Что за трусость! А впрочем, он, возможно, и не видел всего этого. Когда я вышла с ребятами из воды, на берегу никого не было. Может, Сорокин ушел еще до того, как девочка упала в воду».

На этом записи в дневнике заканчивались.

Ольга, обмакнув перо в чернила, записала:

«*16 июня.* Завтра испытание микрохолодильников. Утром из Белых камней приезжал Гасан-Нури. Там все уже подготовлено. Очень хочу видеть А.П. Скорей бы наступал завтрашний день!»

Глава шестая

Первые две недели после возвращения в Приморск пролетели для Трофимова как один день. Ни главного геолога Дубравина, который задержался в Москве, ни управляющего трестом Байрамова в Приморске не было. Алексею Петровичу приходилось управляться одному. Трест только рождался, и все надо было начинать сначала. Подготавливались помещения под управление, проектный отдел; на судовой верфи переоборудовали морские суда, приспособив их для морской геологической разведки; в адрес треста поступала геофизическая аппаратура; из Беломорского, Балтийского и других бассейнов прибывали корабли. И везде надо успеть, за всем проследить, дать нужные указания. А главное – не было отбоя от посетителей. Приходили инженеры, техники, мастера, бурильщики, чертежники, геологи, гидрогеологи, моряки, экономисты, рабочие. Трофимова ловили в конторе, на улице, в порту, на квартире, на машиностроительном заводе – словом, везде, где он только появлялся. Некоторых Трофимов знал лично, других видел впервые. Одних приводила к Алексею Петровичу любовь к романтике, другие трезво оценивали предстоящие трудности, предлагали свои услуги.

В день испытания атомных микрохолодильников Трофимов приехал в управление очень рано.

И не успел войти в кабинет, как задребезжал телефон: звонили с верфи и просили приехать – требовались его дополнительные указания по переоборудованию и оснащению судна.

Вернулся Трофимов в управление через час.

– Вами, Алексей Петрович, несколько раз интересовалась Кириллова, – сообщила секретарша.

– Кто? – невольно переспросил инженер, но сразу же понял, о ком идет речь. – Хорошо, спасибо.

Алексей Петрович вспомнил почему-то случай в Приморском парке, он словно вновь видел стройную в мокром блеске фигуру Ольги, пучок шпилек в зубах, большие задумчивые и такие нежные серые глаза на бледном лице, мягкие линии голых рук, отжимающих воду из кос...

Он вспомнил также случай в кабинете Штанько и ее слова: «Вашей морской нефтью еще и не пахнет, а мне надо исследовать реальную нефть». И те же глаза, только гневные, с прищуром: Да, это он вызвал ее на такие слова, когда стал доказывать, что его дело важнее, чем ее. А если она в самом деле не верит в морскую нефть? Нет, этого не может быть!

Но почему он в последнее время постоянно ищет встреч с Ольгой? Потому, что он теперь редко ее видит? Нет. Раньше он мог не встречаться с ней месяц или два, не замечая ее отсутствия. А сейчас постоянно чувствует, как ему не хватает ее.

Трофимов потянулся к телефону, рука почувствовала вибрацию зуммера.

– Я слушаю.

– Это вы, Алексей Петрович? – Он узнал голос Кирилловой. Здравствуйтесь!

– Здравствуйтесь, Ольга Петровна. – Голос Трофимова дрогнул.

– Вы не забыли, что сегодня испытание наших холодильников?

– Конечно нет. – Алексей Петрович, сам того не замечая, встал. Пальцы правой руки усиленно крутили крышку чернильницы. – Вы откуда звоните, Ольга Петровна?

– Из лаборатории. Я уже всех своих отправила в Белые камни.

– Хорошо, я еду. Ждите меня.

Алексею Петровичу стало вдруг легко и радостно. Он по-мальчишески, с озорством, щелкнул по спичечной коробке, и та отлетела к самой двери. Без разбору распихал по ящикам разложенные на столе бумаги. Даже кляуза Родионова, о которой неожиданно вспомнил,

нисколько не испортила настроения. «Чего он добивается? Ведь неглупый человек, а дурак». – Алексей Петрович внутренне улыбнулся своему каламбуру.

Но вот лицо Трофимова неожиданно потускнело. Алексей Петрович вспомнил свое возвращение из Москвы и случайную встречу с Ольгой и Родионовым, плечом к плечу идущим по улице. Трофимов схватил последнюю пачку бумаг, комкая, сунул в переполненный ящик и, не оглядываясь, вышел из кабинета.

...Промысел Белые камни находился на берегу моря, в двенадцати километрах от Приморска. Машина, миновав северо-восточную часть города, вырвалась на асфальтированное шоссе, которое то извивалось по всхолмленной местности, то после неожиданного поворота выходило к морю.

Ольгу, сидевшую рядом с Трофимовым, радовало все.

Справа расстилалась голубая гладь бескрайнего моря. В прибрежной полосе то там, то здесь, на свайных островках, соединенных с берегом эстакадами, еще стояли стальные вышки. Издали они казались игрушечными, хотя в действительности это были гиганты высотой с пятнадцатизэтажный дом. От берега в сторону солнца, к горизонту, уходила ослепительно-серебристая полоса. Белоснежные чайки скользили над морем, высматривая добычу. Время от времени они стремглав падали в воду и вновь взмывали кверху. Слева и впереди зеленели буйной растительностью холмы и долины: фруктовые сады и виноградники перемежались с огородами и рощами, аккуратные белостенные поселки сменялись группами резервуаров, зданиями компрессорных, насосных и других служебных помещений; вдоль шоссе мелькали многочисленные елки фонтанной арматуры нефтяных скважин, это была промысловая площадь.

Ольга Петровна, глядя на всю эту картину, вспомнила день, когда она, окончив институт, приехала в Приморск. Так же, как и сегодня, она ехала тогда из Приморска на этот старый промысел, Белые камни, куда была назначена заведующей промысловой лабораторией. Она сидела тогда на чемодане в кузове попутного грузовичка, жадно всматриваясь в непривычную для глаз картину.

Теперь ничего этого нет. Вид промыслов стал неузнаваем, и все это сделано человеческими руками за последние три года.

Ей вспомнились те дни, когда все население Приморска и прилегающих к нему поселков очищало эту территорию, сносило вышки, а на очищенные площади по проложенным трубопроводам качали жидкую глинистую массу и разливали ее по поверхности, а после по тем же трубопроводам подавали и разливали поверх глинистого слоя гидромассу чернозема. Миллионы кубометров плодородной земли были перекачаны из Чернореченской долины. И вот обновленная земля покрылась фруктовыми садами, переселенными сюда из горных районов, рощами, парками, огородами.

Она вспомнила и первую встречу с Трофимовым. Это было в его кабинете.

Постучав в дверь и не услышав разрешения войти, она тихо переступила порог. Она не сразу увидела его. Трофимов стоял у окна, опершись рукой на раму, и задумчиво глядел куда-то вдаль. Он стоял к ней в профиль, и первое, что бросилось в глаза, был розоватый шрам на его щеке.

– К вам можно?

Он ничего не ответил, продолжая стоять в том же положении, и ей пришлось повторить вопрос.

– Ах да, входите, – как-то безразлично сказал он и прошел за письменный стол, не предлагая ей сесть.

Сам он также не сел. Так они и стояли друг против друга. Безучастно он выслушал ее просьбу. Выражение его лица и грустных глаз за время разговора не изменилось. Казалось, он не слышал ее и не понимал, чего она хочет, и ей приходилось повторять свои слова.

Какой молодой, а уже главный инженер объединения.

«Только какой-то странный», – подумала она. Лишь после она узнала, что всего за несколько дней до их разговора он похоронил отца.

Больше таким Ольга никогда его не видела...

Они ехали молча, погруженные каждый в свои думы. Наконец Алексей Петрович нарушил молчание.

– Вам нравится Приморск, Ольга Петровна?

– Сейчас – да.

– А раньше? – Трофимов на секунду повернулся к Ольге, пытаясь поймать ее взгляд. Но девушка отвела глаза.

– Не знаю, как вам это объяснить, – после длительной паузы низким грудным голосом начала Ольга. – Город и раньше был хорошим. Но ведь это не главное. Я тут была совсем-совсем... чужой, что ли. Я не умею, например, как Таня Березина. Она легко сходится с людьми, находит друзей, становится среди них своей. А я... Мимо проходит столько настоящих людей! И мало быть лишь зрителем... Мне трудно объяснить это, боюсь, что вы не поймете. Я сама не могу разобраться в себе.

– Мне кажется, я вас понимаю, Ольга Петровна. – Трофимов вспомнил, как не раз Кириллову за глаза называли неприступной. – Я, наверное, из той же породы, что и вы.

– Вы – совсем другое дело. Вы мужчина.

– Это лучше или хуже? – улыбнулся Трофимов.

Ольга не ответила. А как он хотел продолжения разговора! Но она только чуть-чуть приоткрыла душу. И тут же захлопнула наглухо. Намекнула как будто на свое одиночество. Ведь не о работе же говорила. Там она совсем другая, искренняя. Легко тогда с ней. И нет в глазах этой затаенной грустинки. Может, там, в Москве, оставила она свою судьбу? Ведь у него есть прошлое. Боль давно притупилась, но не проходит дня, чтобы он не вспоминал Ирину. А в последнее время рядом постоянно стоят эти серые грустные глаза. Хорошо ли? Но ведь любить то, чего нет, нельзя...

Молчание становилось тягостным. Алексей Петрович не знал, как возобновить разговор. Он скосил глаза на Ольгу. Она смотрела куда-то в сторону, но, почувствовав на себе взгляд Трофимова, повернулась к нему.

– Алексей Петрович, скажите, зачем вы тогда у Штанько настояли на выполнении заказа на последние две колонки? Ведь вы знали, что я не права.

– Нет, не прав был я, и очень сожалею об этом.

– Это не так. Вы тогда верно сказали, что я могу еще работать на старых колонках. Если бы даже не было старых колонок, то трех новых нам бы тоже хватило, мы могли работать в две смены.

– И все-таки не прав был я, – твердо сказал Трофимов. – видите ли, Ольга Петровна, каждый должен верить в свое дело, как в самое главное. А я пытался доказать вам, что мое – важнее. И вы правильно поступили, что стали решительно защищать интересы лаборатории. – Лучше скажите, верите вы в морскую нефть, что мы ее добудем? – казалось, без всякой последовательности спросил Трофимов. И тут же пожалел об этом.

Ольга поняла намек. Лицо ее помрачнело.

– Не будьте злопамятны, Алексей Петрович. Верю. И еще я верю в вас, – с волнением заключила Ольга.

Алексей Петрович только крепче стиснул баранку руля.

Глава седьмая

В просторном, светлом кабинете директора промысла «Белые камни» собрались члены комиссии по испытанию атомных микрохолодильников. На председательском месте, в директорском кресле, – Воронин. Члены комиссии расположились за длинным столом, составлявшим вместе с директорским букву «Т».

Воронин постукал карандашом по графину:

– Ну что ж, начинать так начинать. Возражений нет?

– Надо бы пригласить мастеров и операторов, – сказала Кириллова.

– Правильно, Ольга Петровна, – поддержал Гасан-Нури.

– Тогда немного обождем. – И, обратившись к Гасан-Нури, Воронин добавил: – Дайте команду.

Вскоре просторная комната наполнилась людьми.

– Ну вот что, товарищи. – Воронин обвел взглядом присутствующих. – Сегодня мы начинаем испытание микрохолодильников – изобретения наших, советских, инженеров и ученых. Двое из них – Ольга Петровна Кириллова и Алексей Петрович Трофимов – здесь присутствуют. С помощью холодильников мы должны оградить нефтеносные горизонты от верхних и нижних пластовых вод.

Воронин предоставил слово Трофимову.

– Вы знаете, – начал Трофимов, – что за последние годы мы коренным образом изменили методы эксплуатации нефтяных месторождений и технологию добычи нефти. Советские ученые создали новую отрасль науки – физику нефтяного пласта. На основе достижений этой науки мы возродили многие старые, заброшенные промыслы, возвратили им молодость, широко применили нагнетание газа в нефтяные пласты, законтурное заводнение и другие методы воздействия на подземные режимы. Сейчас перед нами встала практическая задача – извлекать из недр земли не двадцать, не тридцать и даже не пятьдесят процентов, а всю нефть. Мне становится смешно, когда я вспоминаю разговоры, которые можно было слышать несколько лет тому назад о том, что Приморским промыслам скоро конец, что оставшуюся в недрах нефть взять уже нельзя. А ведь в этих истощенных недрах еще более миллиарда тонн черного золота. И мы его, этот миллиард, должны добыть. Настоящая эксплуатация промыслов только началась.

Трофимов замолчал. Все напряженно ждали, что он скажет дальше.

– Однако на пути к этому миллиарду у нас еще много препятствий. Вы знаете, что промыслы Приморска довольно старые. Часть скважин пробурена здесь еще в дореволюционное время ударным способом. Эти скважины – наш бич. Через них верхние воды проникают в нефтеносные пласты беспрепятственно, как ветер через открытые ворота. Мешают они и созданию в пластах нужных нам режимов, не разрешают применить законтурное заводнение и другие методы восстановления пластовой энергии. Мы нагнетаем воду за нефтяной контур, а она поднимается по этим скважинам вверх, в водоносные горизонты, а затем, по другим скважинам, вновь опускается, но уже не за контур, а где-нибудь в центре нефтяной залежи.

Мы остановим эти подземные реки, поставив на их пути при помощи новых микрохолодильников ледяные перемычки. – Рука Трофимова взлетела вверх и, рассекая ребром ладони воздух, опустилась на стол, как бы разрубив воображаемый водяной поток. – Созданный нами специальный холодильник основан на достижениях ядерной физики. Практически количество тепла, которое он может поглотить, неограничено, несмотря на то что он сравнительно невелик по размерам.

С помощью этих холодильников мы надеемся изолировать нефтяные горизонты от водоносных, чтобы иметь возможность приступить к нагнетанию газа в нефтеносные пласты. Таким

образом, мы восстановим в них прежнее давление и принудим малоподвижную нефть растворить в себе газ. Она делается опять подвижной, живой. Тогда напор воды, которую мы закачаем за нефтяной контур, зажмет нефть в тиски и будет гнать ее к эксплуатационным скважинам.

Если опыт, который мы начинаем сегодня, удастся, – закончил Трофимов, – мы немедленно, применим новый метод на всех других промыслах...

Зарубин скосил глаза на Кириллову. Только руки да бледность лица выдавали ее волнение. Гибкие пальцы то складывали в несколько раз лежавший перед ней листок бумаги, то разворачивали и разглаживали.

Застучали передвижаемые стулья, комната наполнилась многоголосым шумом, люди устремились к выходу. Кириллова побежала к своим девушкам-лаборанткам, чтобы дать последние указания по зарядке аппаратов перед спуском в скважины.

Члены комиссии перешли в диспетчерскую. На щитах поблескивали многочисленные приборы. Сюда сходились нити управления всем промыслом. Трофимов остановился у щита, в который были вмонтированы регистраторы электротермометров, показывающие и записывающие температуру в скважинах-обводнительницах.

Вскоре дежурный диспетчер, сидевший у телефонов, доложил, что на пятой скважине спуск закончен.

– Разрешите дать ток? – Диспетчер положил руку на рубильник.

Трофимов молча кивнул.

– Сорок третья готова! – сообщил диспетчер, включая второй рубильник.

– Восьмая и тридцать первая готовы! Двенадцатая! Сто девятая! – выкрикивал диспетчер.

Стрелки самопишущих электротермометров поползли влево. Микрохолодильники действовали.

В диспетчерскую вбежала запыхавшаяся Ольга. Щеки ее порозовели.

– Ой, я, кажется, опоздала!

Все, кто стоял у приборного щита, обернулись. Трофимов, встретившись взглядом с Ольгой, улыбнулся. Радостью просияло ее лицо..

Когда был замкнут последний рубильник, Воронин посмотрел на часы.

– Пятьдесят одна минута вместо полутора часов по графику! – сказал он. – Молодцы, подземники!

Прошел еще час. Члены комиссии ушли обедать. Только Ольга ни на минуту не отходила от приборного щита. Ей все казалось, что температура в скважинах падает слишком медленно. Она то и дело подходила к щиту, постукивала пальцем по плоским стеклам, за которыми белели медленно двигавшиеся клетчатые ленты регистраторов температуры. А когда первый прибор показал 50 градусов ниже нуля, Ольга сверила время со своими расчетами. Все в порядке – расчеты верны. Успокоившись, она открыла сумочку и вынула зеркало. «Боже мой, на кого я похожа! – подумала, она, глядя на свои растрепавшиеся волосы. Так вот почему он так на меня посмотрел!» – вспомнила Ольга улыбку Трофимова, которой он встретил ее. Легкий румянец выступил на щеках. Она еле успела привести себя в порядок, когда вернулись Трофимов и Воронин.

– Пора откачивать воду, – сказал Алексей Петрович, взглянув на электротермометры. Диспетчер подошел к большому щиту, где были установлены регуляторы электропогружных насосов. Он начал переключать приборы на малые обороты.

– Давай на максимальные, не бойся, – сказал Трофимов и добавил: – Передайте геофизикам, чтобы следили за водяными контурами. Обо всех изменениях пусть сообщают сюда Вошли Нури и Зарубин.

– Ну куда же вы пропали? – говорил на ходу директор журналисту. – Ведь самое интересное здесь, а вы разгуливаете по промыслу.

– Я был у Громова, наблюдал работу его бригады.

– Да чудак вы человек, отсюда же лучше все видно. Здесь весь промысел. Вот, например, этот. – Директор указал на прибор, только что включенный диспетчером. – Регулирует работу электропогружного насоса в четвертой скважине. Если вы пойдете к этой скважине, вы ничего не увидите.

А здесь видно все. Вот эта стрелка показывает число оборотов, а вот эта – производительность. Видите, она стоит на цифре тридцать пять. Это значит, тридцать пять литров в секунду. Вы хотите знать, что откачивает насос? Пожалуйста. Вот еще две стрелки: эта показывает процент воды, та – процент нефти.

– Что же, насос качает одну воду?

– Совершенно верно. Зона вокруг скважины обводнена. А вот в сорок седьмой скважине, видите... – Директор указал на другой прибор. – Воды восемьдесят четыре процента, нефти – шестнадцать. Насосы всех обводненных скважин работают сейчас на полную мощность. И если притока посторонней воды в зоны этих скважин не будет, тогда все они вскоре перейдут на чистую нефть.

– Так именно и будет! – вмешался в разговор Трофимов.

– Алексей Петрович, вас к телефону, – сказал диспетчер.

– Я слушаю. Уменьшается? Замечательно! – Трофимов положил трубку. – Товарищи, звонил Козлов от геофизиков. Он говорит, что зона обводнения уменьшается. Скоро можно будет начать нагнетание воды за контур.

Прошел еще час. Нефти в скважинах обводненной зоны больше, воды – меньше.

– Пора, – сказал Трофимов.

Диспетчер замкнул рубильники нагнетательной станции. Он с любопытством наблюдал за поведением многочисленных приборов. Судорожные колебания стрелок и самописцев указывали на первую волну давления, прошедшую по нефтяным пластам. Постепенно движения стрелок стали устойчивыми.

Алексей Петрович повернулся к диспетчеру:

– Пора закрыть эксплуатационные скважины и начать нагнетание газа в нефтяную зону.

Через несколько минут снаружи донеслись приглушенные, но частые постукивания компрессоров.

К вечеру пробный отбор нефти показал увеличение ее притока к скважинам. Но давление у забоев скважин было еще небольшим. Некоторые скважины давали чистый газ.

– Придется несколько деньков постоять, – сказал Трофимов директору промысла Гасан-Нури.

Но директора это замечание не огорчило. Повеселевший, он уже прикидывал в уме, когда промысел сможет выполнить годовой план. Закончив подсчет, он посмотрел на Трофимова и Кириллову, стоящих рядом.

– Ай, какие же вы молодцы! Вы промысел вылечили. Олечка, дай, я тебя расцелую. – И растроганный Гасан-Нури шагнул к Кирилловой, которая, смеясь, выбежала из диспетчерской.

* * *

Возвращался Алексей Петрович в Приморск, когда на землю уже спустилась ночь. С грустью посмотрел он на пустое сиденье рядом с собой – Ольга задержалась на промысле.

Проехав вдоль морского берега до Соленого мыса, он не повернул вправо, куда уходила дорога, а по песчаной отмели проехал метров триста вперед, остановил машину под скалистым обрывом, погасил свет и выключил мотор. Пройдя еще немного пешком, он оказался возле

двух больших камней, образовавших как бы естественное кресло. Это было его излюбленное место. Усевшись, он с наслаждением затянулся папиросой. У ног плескалось море, легкий ветерок, поднявшийся к вечеру, освежал лицо. Далеко в море мелькали созвездия огоньков – это светились морские эстакадные островки, с которых бурили морские скважины в прибрежной зоне,

Дышалось легко, свободно. Приятно было думать, мечтать.

Но то ли горячие, не успевшие остыть от дневного зноя камни, то ли удобная, расслабленная поза, то ли суэта и волнение прошедшего дня, а может быть, все это вместе перепутало мысли, смежило глаза...

Проснулся Алексей Петрович неожиданно, словно от толчка. Еще не понимая, что с ним и где он, услышал позади себя голоса. Он невольно вытянул затекшую ногу. В воду посыпались камешки. Только тут он окончательно пришел в себя, прислушался. Было тихо, только сильнее плескались внизу волны да сзади наверху шелестела листва кустарника под порывами посвежевшего ветерка. Значит, ему послышалось. Пора ехать. Трофимов собрался встать, но вдруг ясно услышал, как кто-то сказал по-английски:

– Никого нет. Это море. У вас слабые нервы, господин Краузе. Это не годится. Люди вашей профессии не должны иметь нервов.

– Извините, мне послышалось. – Голос показался Трофимову очень знакомым.

– Я уполномочен сообщить, что шеф недоволен вашей деятельностью, а точнее, бездеятельностью. Это может плохо кончиться для вас. – В голосе послышалась угроза.

– Я стараюсь, но это очень трудно.

– Вы что же, хотите, чтобы большевики принесли вам секрет своего холодильного аппарата на золотом блюдечке? Не дождетесь.

– Но ведь кто мог знать...

Дальнейшее Трофимов не расслышал.

– Вы обязаны знать. И зачем было лезть в окно, когда есть дверь? Романтики захотелось? К черту! Мы платим вам не за романтику, а за дело.

– Извините, но...

– К черту извинения! К черту ваши трудности! Вы их сами выдумали. Предупредите инженера...

Порыв ветра унес конец фразы.

– Что касается Медведя, то он трус. И вряд ли на него можно рассчитывать.

– Тем легче его заставить работать на нас. Вот деньги. Возьмите. Потом, почему вы медлите с операцией В? Между прочим, Кириллова сегодня в Белых камнях. Лишняя холодильная бомба у нее, наверное, найдется. Ну, мне пора. Я поеду мимо Белых камней. Вас подвезти?

Ответа Трофимов не расслышал.

Голоса смолкли. Сверху посыпались камешки. Слышны были удаляющиеся шаги.

Первой мыслью Трофимова, пораженного услышанным, было броситься на голоса, разможжить булыжником головы мерзавцам. Но он сдержал свой порыв, понимая, что это бессмысленно – двадцать метров отвесного обрыва отделяло его от врагов. Но что делать? Задержать их он не может. Вот уже не слышно шагов – они поднялись на холм, за которым проходит шоссе.

Кто же этот Краузе? Уж очень знакомым показался Трофимову его голос. Мысль лихорадочно работала. Но чем сильнее напрягал Алексей Петрович память, тем безнадежнее ускользал звук этого голоса. А что, если этот Краузе сойдет сейчас в Белых камнях? А там Оля.

Трофимов впервые, даже мысленно, назвал так Кириллову.

В ушах его еще звучали слова: Кириллова сегодня в Белых камнях. Этот волк правильно рассчитал. Но не бывать их грязному делу! Скорее в Белые камни!

Спотыкаясь в темноте, Трофимов рванулся к машине.

Развернувшись, Алексей Петрович прибавил газу. Выехав на шоссе, он увидел впереди два красных огонька. «Не уйдете!» – подумал инженер, уверенный, что впереди машина диверсантов. Стрелка спидометра быстро ползла по циферблату от 40 к 60, 80, 100... и, наконец, остановилась на 140. 140 километров в час! С бешеной скоростью уходила под машину серая лента шоссе. Красные огоньки все ближе и ближе. Вдруг машину с невероятной силой бросило в сторону, баранка руля в резком повороте выскользнула из рук. Темная масса гранитного склона вздыбилась и опрокинулась на Трофимова...

Глава восьмая

Али Гасанович Байрамов принимал лечебную ванну. Расторопные и веселые медицинские сестры с напускной строгостью требовали от больных соблюдения полной тишины, которую сами же первые нарушали бойким щебетаньем. «Эх, молодость! Не девушки, а синички», – по-отечески улыбаясь, вздохнул Байрамов.

– Здравствуйте, красавицы! – в процедурный зал влетел, припадая на одну ногу, статный, плечистый здоровяк. – Я не опоздал?

– Ох, бессовестный! Еще спрашивает! – сдерживая улыбку, ответила одна из сестер. – Вот пожалуйсь главному врачу, будете знать.

– Нехорошо ябедничать, Зиночка, больше не буду, честное пионерское. – Молодой человек подмигнул сестре. – А море сегодня такое веселое, даже нога почти не болит. Грех не покататься.

Болтая, здоровяк задернул гардину, отделявшую ванное отделение от остальной части зала, быстро разделся и с размаху плюхнулся в ванну.

– От бисова душа! – без злости выругался сосед Байрамова, на которого обрушился каскад брызг, поднятый веселым молодым человеком. – Бегемот африканский.

Здоровяк в ответ только захохотал.

Байрамов невольно повернул голову к соседу, в котором по голосу узнал Штанько.

– Остап Федорович! Вы ли это?

– Как видите, я самый, в натуральном виде. Вот не ожидал встретиться, – в свою очередь удивился Штанько.

– Вы что, сегодня приехали? – спросил Байрамов.

– Угу. А вы когда собираетесь в Приморск?

– Недели через две, не раньше. Врачи – будь они неладны! – грозятся задержать еще на месяц. Но думаю, что этот номер у них не пройдет. Нельзя же столько времени здесь прохлаждаться. Рассказывайте же, что нового у нас в Приморске.

– Больной Байрамов! Не разговаривайте, – певуче предупредила сестра.

– В Приморске у нас, Али Гасанович, нового много, – переходя на шепот, ответил Штанько. – Ваш Трофимов развил такую деятельность, что за две недели на голом месте создал колоссальное хозяйство.

– Какое хозяйство?

– Ну, этот трест новый по разведке и добыче нефти с морского дна «Морнефть».

– Как? Разве «Морнефть» уже организована? – Байрамов даже подскочил в ванне.

– Да что вы, Али Гасанович! Вы управляющий «Морнефтью» и задаете мне такие, извините, странные вопросы.

Наступила пауза. Удивленный словами Штанько, Байрамов вспомнил свою последнюю встречу с министром, с которым был дружен со студенческих лет...

Министр, провожая его до двери своего кабинета, говорил:

– Отдыхать, отдыхать и поправляться. Ты, Али, варвар. Сам к себе варвар. Четыре года не отдыхать! Посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож! Постарел. Весь седой.

– А сам-то? – усмехнулся Байрамов, глядя на серебристые виски министра.

– Так я же только с висков да немного с затылка, – засмеялся тот, проведя ладонью по широкой лысине. Потом снова стал серьезным. – Да, старею. Ты помнишь, Али, нашу преддипломную практику? Слово вчера это было, а ведь двадцать пять лет прошло. Да, четверть века... А что ты скажешь, – другим голосом заговорил вдруг министр, – если мы поручим тебе одно очень серьезное дело?

– Какое?

– Хватит тебе на мели у берегов ковыряться. Пора в открытое море. Будешь добывать нефть из-под больших морских глубин.

Подумав, Байрамов спросил снова:

– Каким способом?

– Пока не знаю, – рассмеялся министр. – Но дело важное, необходимое, и это главное. А способ надо найти. Ну как? Согласен? Можешь подумать, с ответом не тороплю. Впереди у тебя целый месяц.

«Вот оно что», – удивленно поднял лохматые брови Байрамов. Он занимался разработкой прибрежных морских участков, но давно мечтал об освоении глубоководной части морского дна.

– Согласен. Чего ж тут думать.

– Ну, я так и знал. А теперь отдыхай, лечись и чтобы сегодня же духу твоего в Москве не было.

... Погрузившись в воспоминания, Байрамов почти не слышал, что ему говорил Штанько. Потом спросил:

– Значит, есть решение об организации треста?

– Сам читал. Вы – управляющий, Трофимов – главный инженер, профессор Дубравин – главный геолог. Правда, он еще в Москве. Но Трофимов действует за десятерых. Наш завод он завалил заказами, судоверфь тоже работает на «Морнефть». Каждый день прибывают новые люди, оборудование. А посмотрели бы вы на порт, он забит вашими судами... Али Гасанович, да куда же вы?

Но Байрамов уже не слышал. Он вылез из ванны, торопливо оделся и через двадцать минут выходил из своего корпуса с чемоданом в руках. Навстречу ему в белоснежном халате бежала девушка-врач.

– Больной Байрамов, – возмущалась она на ходу, – почему вы нарушаете режим? Почему раньше времени покинули ванну? Я вас из санатория выпишу...

– Хорошо, хорошо, доктор. На первый раз простите старика. Не надо волноваться, доченька. До свидания!

Ошеломленная девушка только тут поняла, что ломится в открытую дверь. Она со смущенной улыбкой посмотрела вслед Байрамову, торопливо шагавшему к воротам.

* * *

Байрамов появился в Приморске так же неожиданно, как и уехал из санатория. Побывав дома, он пришел в управление треста. Но главный инженер с утра находился в Белых камнях.

Управляющий позвонил на промысел. Но оттуда сообщили, что Трофимов час назад выехал в Приморск.

«Пора бы вернуться, – думал Байрамов. – Может, заехал домой. Позвоню». Но и дома его не оказалось. Где еще искать Трофимова, Байрамов не знал. «Если час назад он выехал из Белых камней, то должен бы уже приехать. Ну а если не приехал, значит, скоро приедет», – успокаивал себя управляющий. В ожидании главного инженера он стал изучать принесенные секретаршей приказы, распоряжения и переписку треста, которой накопилось немало.

Зазвонил телефон. Байрамов поднял трубку. Чей-то взволнованный голос спрашивал, вернулся ли Трофимов.

– Нет, еще не приезжал. А кто говорит?

– Директор промысла Гасан-Нури.

– Здравствуй, Гасан! Это я, Байрамов. Что случилось?

– Беда, Али Гасанович. Кириллову Олю убили.

– Что? Несчастный случай?

– Да нет! Убили!..

Голос Гасан-Нури дрогнул. Было слышно, как кто-то всхлипнул, потом Байрамов услышал не то тяжелый вздох, не то сдержанный стон.

– Алло! Гасан! Гасан-Нури!

Телефон молчал.

Ошеломленный известием Байрамов опустил руку с телефонной трубкой на стол. Несколько раз в кабинет заглядывала секретарша, собираясь уходить, но не смела спросить разрешения: вид у Байрамова был необычный. От искрящейся в глазах веселости, с которой он вошел в кабинет, не осталось и следа.

Бережно, как очень хрупкую вещь, он положил, трубку на аппарат.

– Машину! – строго сказал вновь заглянувшей секретарше.

У Зеленого мыса шоссе перегораживала желтая переносная решетка, за которой стояли две ремонтные машины-комбайны.

– Придется в объезд по горному шоссе, – с досадой сказал шофер, поворачивая баранку руля.

– Постой, Женя. – Байрамов положил руку на плечо шоферу. – Кажется, проедем. Видишь?

Рабочий, выскочивший из ремонтной машины, убирал решетку.

В километре от Белых камней, в свете автомобильных фар Байрамов увидел завалившийся в кювет лимузин. Его левое заднее колесо было высоко задрано, выхлопная трубка пульсировала голубоватым дымком.

– Это машина Алексея Петровича. – Шофер резко затормозил.

Байрамов выскочил на шоссе. Странно! В машине как будто никого, а мотор ровно работает. Непотушенные фары двумя короткими светлыми снопами упираются в откос. Паутина расходящихся трещин окружала неровный пролом в ветровом стекле. «Удар булыжником», – подумал Байрамов.

– Передняя левая рессора сломана, шина проколота, – сказал шофер, заглядывая под машину. – Очевидно, Алексей Петрович ехал очень быстро.

– Да, – протянул Байрамов, открывая переднюю дверцу машины, и отпрянул назад.

Из дверцы свесилась рука. Нагнувшись, Байрамов увидел на полу Трофимова. Он лежал в неестественной позе. Ноги его упирались в одну дверцу, голова – в другую. Левая рука была подвернута под живот, правая откинута вперед. Часы на приборном щитке показывали 11.20. Байрамов взглянул на свой хронометр – тридцать две минуты первого.

Шофер и Байрамов вытащили Трофимова и положили на траву. Алексей Петрович был без сознания. Волосы, свесившиеся на лоб, слиплись в застывшей крови.

«Что это, покушение или несчастный случай?» – подумал Байрамов, а вслух сказал:

– Женя, там внизу, в балке, есть родник, принеси, пожалуйста, воды. Хотя нет, я сам схожу, а то тебе в темноте не найти. Ты ведь плохо знаешь эти места. Побудь возле Алексея Петровича да мотор выключи и погаси фары. Я сейчас вернусь.

Байрамов спустился в балку, но родник оказался пересохшим, только полоса высокой травы указывала, что водой пропитана почва. Али Гасанович стал подниматься по руслу пересохшего ручья, отыскивая его исток. В котловинке, которую можно было легко перешагнуть, тускло поблескивала вода, отражая звездное небо. Байрамов присел на корточки и погрузил ладони в прохладную воду. Потрясенные звезды заплясали в бездонной глубине. Али Гасанович не удержался, зачерпнул пригоршнями воду и жадно сделал несколько глотков и тут же почувствовал испарину на спине. «Ах, старый осел, что я мешкаю». Сзади послышались шаги. Вот и Женя, не дождался, идет за мной. Байрамов быстро зачерпнул в измятое ведро воду, выпрямился и обернулся. Темная фигура Жени – Али Гасанович был уверен, что это его

шофер – была в пяти-шести метрах. Но каково же было его удивление, когда человек, перед которым внезапно, словно из-под земли, выросла фигура Байрамова, шарахнулся в сторону.

– Стой! – крикнул Байрамов и нагнулся, опуская ведро на землю.

И это спасло его. Яркая, но бесшумная вспышка пистолетного выстрела ослепила, и срезанная пулей ветка упала Байрамову на голову.

Старый лезгин вскипел от ярости и, забыв о Трофимове, кинулся вслед за стрелявшим. Но того уже не было видно. Только вверх по откосу шуршал молодой орешник да трещали под ногами опавшие орехи. «Эх, не те годы!» – подумал он и повернул назад.

Встревоженный долгим отсутствием Байрамова, шофер встретил начальника неммым вопросом.

– Бандит какой-то. – Байрамов тяжело дышал.

– Где бандит?

Байрамов не ответил.

При свете автомобильных фар Трофимову стали смывать кровь с лица. Холодная вода и свежий воздух оказали свое действие: Алексей Петрович открыл глаза. Еще затуманенным взглядом обвел он склонившихся над ним людей. Но сознание быстро прояснилось. Он посмотрел на уткнувшуюся в кювет машину и вспомнил все. Резко приподнявшись, показал в сторону Белых камней:

– Скорей туда! Нельзя медлить!

– Поздно, – тихо сказал Байрамов, догадавшись, что между аварией с машиной Трофимова и событиями в Белых камнях имеется какая-то связь.

Алексей Петрович бессильно опустил голову. Из раны обильно потекла кровь, заливая лоб и глаза.

Шофер, сохранивший привычку военных лет (он был танкистом) всегда иметь в машине бинт, вату и йод, быстро сделал Трофимову перевязку.

– Надо ехать. – Байрамов помог инженеру подняться. – Должно быть, скоро будет гроза.

И действительно, за короткое время все вокруг изменилось. Тучи заволокли небо. Уже не было видно ни одной звездочки. Воздух стал неподвижным и душным. Темные бесформенные силуэты придорожных кустов не шелестели листвой. Ни один звук не нарушал наступившей тишины. Вдали над морем сверкали немые огненные сполохи.

В свете молний, которые вспыхивали все ближе, окружающие предметы казались белыми и безжизненными. Но вот со стороны моря послышался еле уловимый шум, который быстро приближался, становясь все сильнее. Шелест, похожий на шепот, пробежал по листве. Байрамов, усаживая ослабевшего Трофимова в машину, почувствовал нежное дуновение ветерка на разгоряченном лице. И вдруг сильные беспорядочные порывы ветра закружили в воздухе сорванные листья. Тяжелые капли ударили по шоссе, забарабанили по кузовам машин. Ослепительно вспыхнула молния, и в то же мгновение с оглушительным треском ударил гром. И, словно по сигналу, хлынул ливень. Но все трое – Трофимов, Байрамов и шофер – были уже в машине.

Когда шофер стал разворачиваться, Алексей Петрович остановил его.

– Нет! В Белые камни!

Женя вопросительно посмотрел на Байрамова. Тот кивнул головой.

* * *

Преодолевая слабость и тошноту, Трофимов в сопровождении Байрамова вошел в кабинет Гасан-Нури. У дивана в напряженной тишине стояли люди. Они следили за каждым движением доктора, склонившегося над неподвижной Ольгой. Голова ее была забинтована. Крас-

ным маком алело пятно на повязке. Бескровное лицо осунулось, бледные губы плотно сжаты, глаза закрыты.

Спазма перехватила Трофимову горло.

– Да, положение серьезное. – Врач выпрямился, посмотрел на Гасан-Нури. – Нужен полный покой.

«Жива!» – мелькнула радостная мысль у Трофимова.

В стороне, у окна, в окружении нескольких человек стоял рабочий в спецовке и негромко, но возбужденно что-то рассказывал. Трофимов прислушался.

– ... Я уже говорил, что в девятой скважине неожиданно отказал холодильник. Пришлось позвать Ольгу Петровну. Она приказала поднять аппарат. Мы подняли. Ольга Петровна отвинтила верхнюю крышку и вынула из аппарата стеклянный баллон. Ампулой она его назвала. Так вот эта ампула оказалась разбитой и пустой – наверное, когда спускали, то ударили обо что-нибудь и жидкость вытекла. Ольга Петровна сказала, чтобы я сходил за другой ампулой. Я было пошел, но она меня остановила и сказала, что ходит сама. Мне надо бы пойти с ней, а я вот остался, – как бы оправдывался рабочий. – Прошло минут десять, а она не возвращалась. Тогда я решил узнать, в чем дело. Не успел пройти и ста метров, как увидел бегущего навстречу мальчика. «Дяденька, скорей сюда!» – закричал он, и я побежал за ним. На тропинке у семнадцатой скважины возле кустов я увидел Ольгу Петровну. Она лежала лицом вниз. Тут я встретил вот его. – Рабочий указал на товарища. – И мы вдвоем принесли ее сюда.

Зазвонил телефон. Гасан-Нури снял трубку:

– Алло! Где вода? Много? Так. Ладно, примем меры. Продолжайте наблюдать.

– Ну вот что, товарищи, – обратился Гасан-Нури к рабочим. – Получите сейчас на складе запасную ампулу и немедленно приступайте к спуску аппарата в девятую скважину, а то ледяная пробка совсем растает и вода зальет промысел. В соседних скважинах снова появилась вода, правда, пока еще немного.

– Надо уменьшить давление в нагнетательных скважинах, – сказал Трофимов.

Все обернулись на его голос.

– Алексей Петрович, вы откуда? Что с вами? – спросил Гасан-Нури.

– Так, пустяки, – уклончиво ответил Трофимов.

Прибыла санитарная машина. Кириллову отправили в Приморск.

В комнате воцарилась тишина. Все подавленно молчали. За окнами сквозь шум дождя слышался сигнал подъезжающей машины, и вскоре в комнату вошли капитан государственной безопасности Винокуров и лейтенант Мамедов.

Глава девятая

Доктор сделал Трофимову новую повязку. Ранение оказалось неопасным. Кожа на голове была разрезана ветровым стеклом. От потери крови, отравления выхлопными газами и парами бензина у Алексея Петровича темнело в глазах.

– Это ваша машина осталась на шоссе? – спросил Трофимова капитан Винокуров.

– Да. Потерпел аварию. Не случись такой беды, не было бы и этого несчастья с Кирилловой.

Винокуров насторожился.

– Вы как себя чувствуете, Алексей Петрович? Могу я с вами сейчас поговорить?

– Конечно.

Пройдя в соседнюю комнату, Трофимов рассказал капитану о своих ночных приключениях.

– ...И вот, до машины, за которой я гнался, осталось не более двухсот метров. Тут меня бросило в сторону... Очнулся я, когда Байрамов со своим шофером уже перевязывали мне голову, – закончил Алексей Петрович.

– Причиной аварии был прокол обеих левых шин. Прокол исключительный в своем роде. Товарищ лейтенант, – обратился капитан к Мамедову, – принесите ту цепочку, что мы подобрали. При такой скорости и при таком положении нельзя было тормозить. Вот какую игрушку подбросили вам эти господа. – Капитан протянул странного вида металлическую цепь, звенья которой с одной стороны имели острые шипы. Каждое звено этой цепи было похоже на ваньку-встаньку: как ее ни бросай, шипы всегда будут торчать вверх.

– Алексей Петрович, – продолжал капитан после паузы, – вам известно, что в руки врагов попала часть холодильного аппарата?

– Да. Ампула.

– Это очень серьезно?

Трофимов понял вопрос.

– Нет, не в ней секрет.

– Часы вашей машины шли правильно?

– Часы точные.

– Так. Остановились они в одиннадцать часов двадцать минут. Значит, в это время вы потерпели аварию.

– Да, примерно. – Алексей Петрович поморщился от боли.

– Странно, очень странно, – вслух подумал Винокуров.

И, обратившись к Трофимову, добавил:

– Вас нашли в половине первого. Неужели за час с лишним по шоссе не проследовала ни одна машина?

– Товарищ капитан, – вмешался Байрамов, – шоссе было закрыто. Ремонт. Меняли настил моста у Зеленого мыса.

– Ну, это – другое дело. Товарищ лейтенант, уточните когда закрыли шоссе, и попытайтесь узнать, какие машины прошли через Белые камни со стороны Приморска между двадцатью тремя часами двадцатью минутами и двадцатью тремя часами тридцатью минутами и куда они направились. Да попросите сюда Гасан-Нури.

Лейтенант, взяв под козырек, вышел.

– Ну, спасибо, Алексей Петрович. Вы сообщили очень важные сведения. Не буду вас задерживать. Желаю быстрого выздоровления!

Директор промысла Гасан-Нури и рабочие сообщили немного. Мальчика, который привел рабочего на место покушения, никто не знал. В темноте рабочий даже не рассмотрел его как следует.

– Ничего, – сказал капитан, – утром мы его найдем. Может быть, он знает больше.

Вошел Мамедов.

– Ну?

– Товарищ капитан, шоссе закрывалось всего на час. Машинист ремонтного комбайна сообщил, что перед сменой моста у Зеленого мыса в сторону Белых камней проследовали две автомашины – тяжелый самосвал и лимузин с двойными фарами. Точное время он не помнит. Говорит, что в начале двенадцатого. Дежурный милиционер в Белых камнях также утверждает, что в половине двенадцатого видел машину с двойными фарами. Она прошла через поселок с большой скоростью в направлении Светлых озер. Он говорил, что днем обязательно задержал бы ее за недозволенную скорость в населенном пункте, но ночью не сделал этого, потому что улица была пуста. Номер машины двадцать пять – двадцать. Это консульская машина. Десять минут назад она вернулась в Приморск.

– Понятно, – протянул капитан. – В город она не могла вернуться по Приморскому шоссе. Единственный ее путь лежал Через Светлые озера и горное шоссе. Выходит, что за час машина покрыла расстояние около семидесяти километров. Вряд ли она где-нибудь задерживалась надолго... Сколько человек было в машине, не удалось установить? – прервал капитан свои размышления.

– Милиционер заметил только водителя.

– Странная прогулка.

В это время дверь комнаты отворилась, и на пороге неожиданно появился мальчик лет двенадцати. Очевидно, он быстро бежал: дыхание было частым и неровным. Вода стекала с его одежды.

– Ты к кому? – спросил Мамедов.

– К нам, к нам, – улыбнулся Винокуров.

– Можно, товарищ капитан? У меня очень важное дело, – еще не отдышавшись, сказал мальчик, подходя к столу. – Здравствуйте!

– Здравствуй! Как тебя звать?

– Горохов Ленька. Леонид Константинович.

– Ну, садись, Леонид Константинович, – улыбнулся капитан. – Рассказывай!

– Я постою, а то еще мебель испачкаю.

– Ничего, высохнет.

Мальчик примостился на кончике стула.

– Так вот, значит, у нас сегодня был пионерский костер. Но не в этом дело. Когда сбор кончился, мы пошли домой. А в отряде у нас девчонки, они, известное дело, трусихи. Ну вот, когда мы уже расходились по домам, я и говорю Юрке Волкову: «Давай напугаем девчонок». Вы, конечно, скажете, что это нехорошо. Но пусть они в другой раз не будут трусихами! Юрка говорит: «Давай». Забежали мы вперед и спрятались в кустах. Ждем. Вдруг слышим: через эти самые кусты кто-то продирается. Совсем близко к нам подошел, даже слышно, как дышит, а только темно, ничего не видно. Потом он постоял и дальше отошел. А нам интересно узнать, что это он в кустах прячется. Мы притаились и ждем. Тут на тропинке появилась тетенька. Как только она прошла тот куст, за которым спрятался человек, он ее чем-то сзади ударил. Она вскрикнула и упала. Тогда он нагнулся, а потом побежал. Чуть на меня не наступил. Мы с Юркой сначала очень испугались. Он говорит: «Бежим скорей, Ленька, отсюда». А я говорю: «Нет. Ты беги туда, к скважине, там люди есть, скажи им, а я побегу туда, – ну, за ним, значит». Пока я Юрке это говорил, человек скрылся. Я побежал вдоль кустов и опять его увидел. Он бежит и все по сторонам оглядывается. А я за ним, стараюсь не потерять его из виду. Он добе-

жал до виноградников и пошел шагом. Потом перелез через забор. И я за ним через дыру – там доска одна оторвана. Так шел я за ним до самого крайнего дома поселка. Я думал, он на дорогу выйдет, а он в огород перепрыгнул и скрылся за домом. Я тоже в огород. Только смотрю – его уже нет. А дальше за домом чистое поле, и его там тоже не видно, да и темно было. Посмотрел я на дом и вижу, как окно закрывается. Это он, наверное, в окно полез. Света в окнах не было, но мне слышалось, как будто кто-то разговаривает. Решил я подождать, – думаю, может, обратно вылезет. Но уже поздно было. Долго я сидел, ждал, ждал и не заметил, как уснул. Это мама все. Приучила спать ложиться в половине десятого. Вот и уснул. Проснулся я от дождя. Так и не узнал, кто это был...

– А кто в доме живет, ты знаешь?

– Знаю. Инженер Плужников... Ох, от мамы мне теперь попадет. Она у меня, знаете, какая строгая. Наверное, ищет. – И мальчик виновато опустил голову.

– А отец где работает?

– Нет у меня отца. Умер.

– Дома телефон есть? – Капитан снял трубку телефона. – Как зовут маму? – спросил он и набрал названный мальчиком номер.

– Только вы, товарищ капитан, скажите маме, что я у вас по делу задержался.

– Алло! Любовь Алексеевна? Вы не волнуйтесь за вашего сына, он у меня. Это я его задержал. Ах, извините. Моя фамилия Винокуров, капитан Винокуров. Но это неважно. Да ничего не натворил. Сделал очень хорошее дело. Таким сыном гордиться надо. Я сейчас его вам доставлю целым и невредимым. Будьте здоровы!

– Товарищ капитан, а тетю он убил? – Мальчик тревожно посмотрел в глаза Винокурову.

– Жива, жива наша Ольга Петровна. Товарищ лейтенант, доставите Леонида Константиновича домой и сдайте его на руки матери. Ну, Леня, вот тебе от меня. – Винокуров снял часы и вложил их в руку растерявшегося мальчика.

...В два часа ночи капитан Винокуров стоял у двери квартиры Плужникова, настойчиво нажимая на кнопку звонка. Проходила минута за минутой. Вдруг чуткое ухо капитана уловило осторожные шаги. В боковом окне, как показалось Винокурову, мелькнула тень. Несомненно, человек, подходивший к окну, увидел капитана. Однако дверь по-прежнему никто не открывал.

С другой стороны дома у окон стоял лейтенант Мамедов.

Ему были слышны настойчивые звонки в квартире. Но вот скрипнула рама. Из окна осторожно выглянул человек. Мамедов не успел укрыться, человек заметил его. Рама резко захлопнулась. Стукнул опрокинутый в комнате стул. «Хотел уйти через окно», – подумал лейтенант. Теперь слышно было, как барабанил в дверь Винокуров. Вдруг внутри дома сверкнула вспышка, хлопнул револьверный выстрел, и что-то тяжелое с глухим стуком упало на пол. «Не капитан ли?» – мелькнуло в уме Мамедова, и, сильно рванув на себя раму, лейтенант с пистолетом в руке прыгнул в окно.

На мгновение темнота ослепила. Но лишь только ноги коснулись пола, Мамедов почти бесшумно отпрянул в сторону, в тень простенка и присел. Почти у самого лица оказался письменный стол. Лейтенант осторожно высунул из-за края стола голову, всматриваясь в темноту и стараясь уловить малейший шорох. Но в доме стояла мертвая тишина. В это время входная дверь под ударами капитана запрещаала и грохнулась на пол. В передней вспыхнул свет. Сноп его через открытую дверь осветил комнату.

На полу в луже крови лежал инженер Плужников. Мертвый, он продолжал держать в руке пистолет, словно угрожая кому-то за свой трусливый и позорный конец.

Глава десятая

Водной из квартир в доме номер четырнадцать по Морской набережной жила тихая женщина лет пятидесяти пяти. Это была Марфа Ивановна Смирнова. Когда-то семья Смирновых, состоявшая из четырех человек, занимала всю квартиру. Но в войну квартира осиротела. Муж Марфы Ивановны, Федор Максимович, был известным в Приморске мастером бурения. Зимой 1941 года на его буровой произошла авария. Федор Максимович был в конторе. Узнав о случившемся, он бросился к скважине. Чтобы сократить путь, он побежал не по дороге, а по тропинке, со стороны насосного сарая. Второпях поскользнулся на обледенелых досках и с разбегу упал в чан с глинистым раствором. Выкупавшись в холодном растворе, мастер не ушел с буровой, пока авария не была ликвидирована. После этого он заболел воспалением легких и больше не встал. Два сына Марфы Ивановны погибли на фронте.

Горе сильно состарило Марфу Ивановну. Голова стала совершенно белой, а на лицо скорбно легли глубокие морщины.

В одно воскресное утро в ноябре 1945 года к Марфе Ивановне зашел Трофимов со своим фронтовым товарищем Сорокиным. Алексей Петрович, которого Марфа Ивановна знала еще мальчиком, попросил уступить Сорокину одну комнату. Старушка вначале наотрез отказалась вселить к себе жильца, но, узнав из разговора с Трофимовым о трагической судьбе семьи Сорокина, она расчувствовалась и согласилась предоставить ему одну комнату. А через некоторое время она предложила ему две смежные комнаты, а сама поселилась в третьей. Сорокин оказался аккуратным жильцом и не мешал тихой грусти Марфы Ивановны. Он ровно в семь утра появлялся в кухне, ставил на газовую плиту кофе, в половине восьмого завтракал, в восемь чистил костюм и в половине девятого уходил на завод, не забыв перед уходом выкурить папиросу. С такой же точностью распределялись его вечерние часы с неизменным черным кофе в девять часов вечера и прогулкой перед сном.

Лишь иногда Сорокин нарушал обычный распорядок дня, задерживаясь где-то до поздней ночи. Но даже эти нарушения были своего рода системой.

Марфа Ивановна была женщиной чрезвычайно аккуратной во всем, но тем не менее она не придерживалась никакого распорядка дня. После потери мужа и сыновей лаборатория, куда поступила работать Марфа Ивановна, стала ее вторым домом. Она могла пробыть на работе десять – двенадцать часов, не замечая времени. Иногда она подолгу задумывалась, глядя в одну точку.

Не раз Ольга, обходя вечером опустевшие помещения лаборатории, заставляла Марфу Ивановну за уборкой или мытьем лабораторной посуды.

– Не жалеете вы себя, Марфа Ивановна! – говорила Кириллова. – Видно, совести у людей нет, если заставляют вас работать вместо себя. Вот я с ними завтра поговорю.

– Что вы, что вы, Ольга Петровна, – заступалась за девушек Марфа Ивановна. – Не ругайте их. Они меня совсем даже и не просили. У девушек билеты в театр, а им надо еще переодеться. Вот я и взялась прибрать за них, мне все равно спешить некуда, меня никто не ждет.

Ольге было жаль старушку, и она старалась, как могла, отвлечь ее от грустных воспоминаний. Марфа Ивановна по-матерински полюбила Ольгу.

В тот день, когда Ольга уехала в Белые камни, Марфа Ивановна допоздна задержалась в лаборатории. Уже давно была вымыта посуда, прибраны столы, а она все не уходила, ожидая чего-то. Потом в дверь на минутку заглянули две лаборантки, вернувшись из Белых камней. От них Марфа Ивановна узнала, что Ольга осталась на промысле и вернется только утром. Сразу легче стало на сердце.

Она поняла, что ее тревога вызвана ожиданием Кирилловой. Быстро собравшись, Марфа Ивановна отправилась домой.

Несмотря на позднее время – было уже около одиннадцати, – Сорокина дома не оказалось.

Похлопотав часок в кухне и у себя в комнате, Марфа Ивановна стала готовиться ко сну. Далеко над морем сверкала молния, глухо гремел гром. «Где это пропал Сорокин? Сейчас будет сильный дождь», – подумала Марфа Ивановна, прислушиваясь к раскатам грома. И действительно, вскоре хлынул ливень.

Марфе Ивановне не спалось. Она долго лежала с открытыми глазами, чутко прислушиваясь к шуму непрекращающегося дождя. Стенные часы пробили два часа ночи. Дождь продолжался с прежней силой. Наконец Марфа Ивановна задремала.

Проснулась она от звонка в передней. «Пришел», – подумала Марфа Ивановна и, накинув халат, открыла дверь. Увидев Сорокина, ахнула:

– Батюшки мои! Да на вас сухой нитки не осталось! Где же это вы так долго гуляли?

– Была срочная работа. А дождь застал на улице, переждать не хотелось... наверное, надолго. – И он тяжелыми шагами прошел к себе.

Утром, впервые за несколько лет, Сорокин не поставил варить свой кофе. В кухне висел его мокрый костюм, с которого на пол натекла большая лужа.

«Еще проспите», – подумала Марфа Ивановна и постучала в дверь его комнаты. Сорокин не отвечал. Она повторила стук и громко крикнула:

– Илья Тимофеевич, вы спите?

Не дождавшись ответа, тихонько потянула на себя дверь, которая оказалась незапертой.

– Илья Тимофеевич, – встревоженно еще раз позвала Марфа Ивановна, входя к Сорокину. Он лежал на кровати, широко раскинув руки. Лицо его было багровым, глаза закрыты. Дышал Сорокин коротко, прерывисто.

Приглашенный врач сказал, что у больного воспаление легких. Марфа Ивановна побежала за лекарством. Когда вернулась, Сорокин был в сознании. Он принял лекарство и попросил потеплее его укрыть.

Оставив больного одного, Марфа Ивановна поспешила в лабораторию. Здесь она узнала о покушении на Ольгу. Это сообщение ошеломило ее. Она долго сидела с неподвижным взглядом, устремленным в одну точку. Наконец поехала в больницу, где лежала Ольга, но к больной никого не пускали.

Сорокин весь день метался в постели, бредил, время от времени приходя в сознание. Как рыба, выброшенная на берег, хватал воздух раскрытым ртом. Марфа Ивановна, вернувшись с работы, как ребенка, укутала больного в одеяла.

На следующее утро температура начала спадать.

Приехал Трофимов. Он на цыпочках приблизился к постели Сорокина, минуту посидел и, чтобы не разбудить больного, так же тихо вышел.

Через несколько дней Сорокину стало легче. Температура упала, но он был еще слаб.

А еще через пару дней, когда Сорокин был вне опасности, Трофимов снова проведаль его.

– Ты, Илья, извини меня: все эти дни собирался к тебе, зайти, да никак не удавалось, – с теплым участием сказал Алексей Петрович. – Понимаешь, все некогда.

– Понимаю. – На осунувшемся остроносом лице Сорокина появилась улыбка. – Да я уже почти здоров. Спасибо, что зашел. Как ваша морская нефть?

– Ничего, будет нефть. Вот поправляйся – поможешь мне в одном деле.

– В каком? – приподнялся на локте Сорокин.

– Помнишь, я говорил тебе о подводном коллекторе для морской, разведки. Ну так вот, мы пустили его в дело. Но обнаружили кое-какие недостатки. Создаем сейчас новый вариант,

который в основных чертах нами решен. Осталось конструктивно оформить некоторые узлы. А это по твоей части. Тебе и карты в руки.

– С удовольствием помогу, Алексей. А как опыт с замораживанием? Удался? – переменял тему разговора Сорокин.

– Да, результаты получились хорошие, – с удовлетворением ответил Алексей Петрович.

– Ну а чем кончилась история с покушением на Кириллову? Нашли преступника? – спросил Сорокин.

Кровь отхлынула от лица Трофимова, на скулах заиграли желваки, бледной полосой проступил шрам на левой щеке.

Минуту длилось молчание. Затем Трофимов с гневом и ненавистью заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.